

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВА

ВЛЮБЛЕННЫЕ БЕЗУМНЫ
СТО СОЛНЦ В КАПЛЕ СВЕТА 2

Наталья Вячеславовна Андреева

Влюбленные безумны

**Серия «Сто солнц в
капле света», книга 2**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=429862

Наталья Андреева. Влюбленные безумны. Сто солнц в капле света 2:

АСТ; Москва; 2010

ISBN 978-5-17-066398-9, 978-5-271-27477-0

Аннотация

Тревожный и богатый на события XIX век. Алмаз «Сто солнц в капле света», за которым тянется кровавый след, продолжает будоражить умы и влиять на судьбы людей, в чьих руках он оказался.

Его обладательницу графиню Александру Ланину ожидает стремительный взлет. Она в центре дворцовых интриг и придворных тайн. Сам император признает ее первой красавицей. У ее ног влиятельные люди. Но сердце ее занято авантюристом и повесой Сержем Соболинским. О легковерная и слабая женская душа! Еще вчера ей казалось, что он забыт навеки, и вот нечаянная встреча, о возможности которой предостерегал ее умудренный жизнью муж.

Устоит ли она перед баловнем судьбы или кинется в омут роковой страсти и погубит себя и свою будущность? Враждебное окружение только и ждет от нее неверного шага, чтобы уничтожить безродную выскочку.

А государь между тем распорядился проследить за красавицей-графиней, нет ли у него счастливого соперника...

«Влюбленные безумны: Сто солнц в капле света 2» – продолжение известного романа «Сто солнц в капле света».

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	27
Глава 3	59
Глава 4	88
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Наталья Андреева

Влюбленные безумны

Amantes amentes¹

Санкт-Петербург
Прошло три года...

Глава 1

Вечером хмурого осеннего дня к неприметному одноэтажному особнячку с деревянной мансардой, притулившемуся где-то на задворках, на Васильевском острове, подъехала богатая карета. Само наличие такого экипажа, да еще и запряженного шестеркой сытых рысаков, говорило о том, что его владелец либо богатый помещик, за которым числится не менее тысячи душ крепостных, либо имеет высокий чин, не ниже генеральского, и доходное место. И что бы ему делать здесь, на Васильевском, у ворот дома, который никак не может являться местом его жительства? Шторки на окнах кареты были опущены, сам ход лошадей неспешный, казалось, что путники, а их было двое, мужчина и женщина, сторожатся. Да так оно и было на самом деле.

Погода была самая что ни на есть «петербургская»: сыро, промозгло и ветрено. Шел дождь вперемешку со снегом, который, ложась на землю, тут же и таял. Прохожих было мало, да и те спешили домой, к теплему очагу, к горячему самовару, коротать вечер одному или в приятной компании, за чтением или картами, при свете чадающей сальной свечи. Сиятельная столица, как огромная хищная рыба на глубину, погрузилась в осень, и над ней крепко сомкнулась набухшая водою толща облаков.

Едва карета остановилась, от дверей дома к ней кинулся

слуга, который со стуком откинул подножку, и, распахнув дверцу, склонился в низком поклоне:

– Добро пожаловать, ваше сиятельство. Все готово.

При этих словах из кареты вышел высокий господин, закутанный в плащ, и оглянувшись в поисках случайных прохожих, ласково сказал, обращаясь к сидящей там женщине:

– Мы приехали, Сашенька. Изволь, я провожу тебя в дом.

Молодая женщина в ротонде с белоснежной меховой оторочкой и в капоре, из-под которого выбивались светлые локоны, легко опираясь на его руку, выпорхнула из кареты. Казалось, дорога ее ничуть не утомила. Сопровождаемые слугой, освещавшим им путь, граф и графиня Ланины, а это были они, прошли во внутренние покои.

– Скоро прибудет наш багаж. Пойди, встретить, – отдал распоряжение граф своему камердинеру.

– Слушаюсь, ваше сиятельство, – низко поклонился тот и тут же исчез, словно его и не было.

– Ну вот, Сашенька, – грустно сказал Алексей Николаевич, – мы и дома. Я знаю, это не то, к чему ты привыкла, но на сегодняшний день это все, что я могу тебе предложить. Здесь, в Петербурге, – добавил он. – Высочайшим предписанием нам назначено жить в деревне, в одном из моих имений, если мы вдруг задумаем вернуться на родину.

– Но ведь мы же здесь! – горячо сказала Александра. – В Петербурге!

– Не забывай, что у нас подложные паспорта на имя гра-

фа и графини де Ламот. Здесь мы французы, иностранцы. Я снял этот дом, не имея возможности въехать в свой особняк на Фонтанке. Если об этом станет известно государю, меня возьмут под арест. Поэтому какое-то время мы будем жить в Петербурге тайно, пока наши дела не устроятся.

– Так поедem домой, Алексей Николаевич!

– Домой? – удивился граф.

– Я так соскучилась по дому, по сестрам... Жюли писала в конце лета, что родила вторую девочку. И уже опять беременна. Как же она, должно быть, счастлива со своим мужем! – вырвалось у нее. – Алексей Николаевич, я хочу домой.

– А еще три года назад ты так мечтала вырваться из Ивановки и готова была заплатить за это любую цену, – напомнил граф.

– Какая же я была глупая! Боже мой! Я как увидела родные березки, эти лица, тоже родные, потому что русские...

– Жандармов на границе? – усмехнулся граф. – Ничего не скажешь, приятные лица! Они все допытывались, в самом ли деле мы иностранцы?

– И пусть! Главное, что мы вернулись, наконец, на родину! Я помню степь, с ее пряными травами, этот дурманящий запах, бешеную скачку, ветер в лицо... Ах, как же я хочу домой! – Александра разволновалась и покраснелась.

– Ты готова подчиниться воле государя? – тихо спросил ее муж.

– Что же в этом плохого? У нас там прекрасный дом, милые соседи и рядом будет моя любимая сестра.

– Ты забыла о ее муже. О господине Лежечеве. Его тебе тоже придется видеть и довольно часто.

– Ах, я уже все забыла! – беспечно сказала графиня. – И он, конечно же, все позабыл.

– «О память сердца, ты сильнее рассудка памяти печальной...» – ей показалось, что муж тихонько вздохнул. – Нет, Сашенька, жить в глуши с твоей красотой, умом и обаянием, которые уже покорили Париж, – это преступление. И главный преступник – я. Чтобы удержать при себе молодую красавицу жену, надо окружить ее блеском, ее достойным. Балы, приемы, ложа в театре, блестящее общество лучших людей, наряды, наконец... Твои парижские туалеты дожидаются своего часа, – вкрадчиво сказал граф. – Наш багаж прибует с минуты на минуту.

– Я вовсе не пустышка! – вспыхнула Александра. – Меня не только балы занимают! Что ж, если надо ехать в деревню – я готова!

– Ты еще очень молода, Сашенька. Сейчас ты скучаешь по родным. Тебе хочется увидеть места, где ты была так счастлива... Не спорь, я знаю, что счастье твое осталось там. Я хорошо знаю жизнь и знаю людей. Пройдет какой-нибудь месяц, возможно, что и два, и ты начнешь тосковать. Кончатся Святки, придет морозный, выюжный февраль, потом наступит весенняя распутица и все наши визиты, а также визи-

ты соседей к нам прекратятся. Летом тоска на время пройдет, ты погрузишься в сладкие воспоминания, но едва почувствуешь дуновение осенней прохлады, тебе станет страшно. «Как? И это все? – будешь думать ты. – Неужели жизнь кончена? Это в двадцать-то лет?!» Потому что дальше – осеннее ненастье и долгие вечера со старым, скучным мужем... Не спорь, я намного старше и должен казаться тебе, двадцатилетней, глубоким стариком. Мне ведь тоже когда-то было двадцать... И я так же думал о своем отце... Сколько пройдет времени, прежде чем ты меня возненавидишь? Год? Два? И прежде чем я возненавижу себя за то, что не смог исполнить своих обещаний.

– Но ты мне ничего не обещал, Алексей Николаевич! И я счастлива с тобой. Ты дал мне блестящее образование, показал весь мир. Мы жили в Париже, побывали в Италии, я от души повеселилась на Венецианском карнавале, после чего мы путешествовали в Египет, от которого я в восторге, потом на Восток... Господи, сколько всего было! Целых три года счастья!

– Когда путешествие за границу затягивается, это уже не путешествие, а скитание. Нельзя быть человеком без родины, – серьезно сказал граф. – Ты можешь стать первой красавицей Петербурга. Ты должна ею стать. О тебе будут говорить во всех богатых и знатных домах, тебя повсюду будут принимать. Ты сможешь собрать вокруг себя людей просвещенных и думающих, в своем собственном салоне. Это твое

предназначение, а вовсе не бесконечные путешествия. Да, мир большой, но он легко умещается в одной-единственной комнате родного дома, где на полках стоят привезенные из долгих странствий безделицы, а в ящике стола лежит дневник с воспоминаниями.

– Но сейчас мы даже не можем жить в нашем собственном доме!

– Да, я совершил серьезный проступок, – нахмурился граф. – Женился на неизвестной девушке, бесприданнице, не испросив на то воли императора, и оставил государственную службу. Мы вынуждены были бежать за границу. Но я списался с кузиной, Аннетой Головиной, гофмейстериной императрицы, и она готова нам помочь. Тайнственность, с которой я все обставил, ее привлекает как нельзя более. Ей, как и всем, живущим при дворе, не хватает остроты ощущений. Двор нынче скучен. Поэтому Аннета с радостью согласилась за меня похлопотать. Она передаст мое письмо императрице, а та – государю.

– И ты надеешься на успех?

– Есть говорить начистоту, не слишком надеюсь, – признался граф. – Наш государь, Николай Павлович, чрезвычайно злопамятен, это известно всем. Все случаи, когда идут против его воли, а это, надо признать, случается не часто, он отлично помнит. При дворе ходит один анекдот. Лет десять тому назад некая дама, особого расположения которой государь добивался, ему отказала. Мало того, предпочла его же

флигель-адъютанта, малого красивого, но глупого, хотя бы потому, что он эти знаки внимания принял. Прошло десять лет, дама эта оказалась, как говорится, на бобах и впала в глубокую бедность. Она обратилась с прошением к Николаю Павловичу. Когда государь узнал, от кого оно, то, как говорят, переменялся в лице. И воскликнул: «Этой блуднице?! Ничего и никогда!» После чего порвал прошение.

– Но ведь прошло уже десять лет! – удивилась графиня. – Бедная женщина! И что же с нею стало?

– Этого не знает никто, само ее имя забыто. Я рассказал тебе это, чтобы ты знала, как опасно идти против воли государя. И какие трудности нас ждут здесь, в России. Анна-та приедет завтра вечером. Ступай спать, Сашенька, – мягко сказал граф. – Тебе надо отдохнуть с дороги. А я сяду писать прошение. Даст Бог, все образуется.

В его кабинете долго еще горел свет. Александра тоже все никак не могла уснуть. «Зачем же мы вернулись? – думала она и чувствовала приступ легкой дурноты, как у нее всегда бывало от сильного волнения. Хотелось глотнуть свежего воздуха. – Зачем мы вернулись?»

У них с мужем не было друг от друга тайн. В первый месяц их совместной жизни граф то и дело задавал своей юной жене вопрос: не противен ли он ей?

– Нет, – отвечала она и ничуть не кривила при этом душой.

Она не чувствовала к своему мужу физического отвраще-

ния, но и не могла переступить ту грань, за которой огромное уважение, можно даже сказать почитание, уступает место безудержной страсти. Когда в вихре поцелуев, ливне жарких ласк тонут любые условности, а мужчина и женщина забывают все: и разницу в возрасте, и сословные предрассудки, и прошлое, если оно у них есть. Как это было у нее с Сержем, бездумно, безрассудно. И как, она была в этом уверена, не будет больше никогда.

Она любила мужа ровной, бестрепетной любовью. Да, есть и такая. Ей нравились его походка, голос, манеры истинного вельможи, которые даются только если человек с рождения живет в кругу избранных и какие невозможно приобрести ни учением, ни страстным желанием, ни огромными деньгами. Она чувствовала гордость, когда все прочие невольно перед графом заискивали, ловили его взгляд и каждое слово, которому и он прекрасно знал цену. Поэтому говорил неспешно, размеренно и всегда очень умно. Александра с удовольствием принимала знаки внимания мужа, ровно до того момента, когда приходило время идти в спальню. И тут на нее наваливался страх. Руки и ноги холодели, сердце начинало бешено стучать, она не могла собраться с мыслями. Голова была пустой, в груди, там, где сердце, тоже пусто. Пусто и печально. Потому что она не могла ответить на страсть мужа, она могла ее только принять. И тут уже не она, а он оказывался в подчиненном положении, что само по себе было неправильно. И каждое утро ей было от этого невыносимо стыдно.

Тем не менее, Александра называла это счастьем, потому что ее яростная страсть к Сержу Соболинскому измучила их обоих, и все закончилось трагедией. Эту ее любовь уж никак нельзя было назвать спокойной. Александра вспоминала о ней с болью и чувствовала себя при этом глубоко несчастной.

«Где он? Что с ним? Жив ли он?» Она старалась об этом не думать. Вести из России приходили часто, но писали в основном графу, у которого, как и у всех потомков древнего дворянского рода, было огромное количество родственников в Москве и Санкт-Петербурге. Казалось, вся знать обеих столиц находится с графом Ланиным в близких отношениях, нет ни единого дома, где он не смог бы счестся родней. Но о Соболинском граф не говорил жене ни слова, а она сочла бы за унижение о нем спросить. Самой же Александре писала только Жюли. Но и Жюли ни слова не писала о Серже. Как будто ничего и не было. Ни истории с алмазом, ни смерти Долли...

Алмаз... Это была единственная тайна Александры от мужа. Она повсюду возила его с собой, но никому не показывала. Даже сама старалась на него не смотреть. Но сейчас ей не спалось. Повинуясь какому-то слепому чувству, она встала с постели и нашла среди прочих вещей, пока еще не разобранных камеристкой Верой и не разложенных по своим местам, шкатулку с драгоценностями. Алмаз «Сто солнц в капле света» лежал там, на самом дне. В черном бархатном футляре, местами истертом, под грудой других украшений, го-

раздо менее красивых и ценных. Так она старалась его нака-
зать, а заодно и спрятать.

Но сегодня ей невыносимо захотелось взглянуть на ка-
мень. В доме было тихо, граф что-то писал в своем кабинете,
видимо это было для него крайне важно. Александра от-
крыла шкатулку и нашла в ней футляр с алмазом. Камень
удобно лег в ее ладонь, словно соскучился, и она почувство-
вала холод. По спине пробежал озноб. Она поднесла ладонь
к свече, к самому пламени. И вдруг ей показалось, что ка-
мень порозовел! Да-да! Он словно ожил! Будто в сияющую
бездну огромного алмаза упала капелька крови и отразилась
всеми его гранями. Он вдруг сверкнул, словно подмигнул ей.
Александра испугалась.

«Нет! Этого не может быть! Это мне только кажется!» Она
поспешно сжала ладонь. С чего бы это алмазу порозоветь?
Это все усталость, дальняя, утомительная дорога, неверный
колеблющийся свет. Это все ее фантазии. Она поспешно
убрала «Сто солнц» обратно в ларец и легла в постель.

Под дверью показалась полоска света: муж шел к ней. Как
всегда, тревожно забилося сердце, она попыталась приду-
мать, как бы сделать так, чтобы он понял ее любовь, но, как
всегда, сбилась и потерялась. И уже хотелось, чтобы все это
поскорее закончилось...

Разбудил ее странный и давно забытый звук: мычала ко-
рова. Александра подняла голову и удивленно посмотрела
на мужа:

– Что это?

Небо за окном едва серело, время было раннее, и граф еще не вставал.

– Корова, – улыбнулся он.

– Но... откуда?

– Здесь, на Васильевском острове, многие семьи с маленькими детьми держат коров. Хотя у них есть определенные трудности: надо запасти на зиму корм, нанять скотницу, приискать место в коровнике. Но зато... Зато у нас сегодня к завтраку будет свежее масло и сливки! Таких ты, мой друг, давно уже не ела, уверяю тебя.

Александра счастливо улыбнулась. Подумать только: корова! Ощущение чего-то большого, теплого, сытного, пахнущего молоком. Ощущение дома.

– Я дома! – радостно сказала она. – Наконец-то я дома!

– Здесь, к сожалению, нет ванной комнаты, – вдруг нахмурился граф. – Дом маленький, не слишком приспособленный для жизни. Но нам какое-то время придется потерпеть.

– Ты так говоришь, Алексей Николаевич, будто я выросла во дворце, а не в деревне, в доме разорившегося помещика Иванцова, – лукаво улыбнулась Александра. – В своем детстве я и не такое видала!

– Но теперь ты моя жена, ты графиня Ланина. И ты должна жить в столице так, как подобает даме твоего положения и состояния. Я должен заняться этим как можно скорее...

Гофмейстерина императрицы Головина, или, как по-свой-

ски называл ее граф, Аннета, приехала на следующий день, под покровом темноты. Она стремительно вошла в гостиную, высокая, как гренадер, и невыносимо смешная в своем желании окутать этот визит тайной. Казалось, в ней самой нет ничего тайного, хотя под подолом ее необъятной юбки мог бы спрятаться не один придворный секрет. Граф тоже понимал это, потому улыбнулся и поспешил навстречу кузине с раскрытыми объятиями. На вид Аннете было лет сорок, но могло быть и больше. На голове у нее красовался огромный чепец, обшитый широкой синей лентой, глаза были глубокие, карие, уголки их опущены, что выдавало ее возраст, нос прямой, с горбинкой, а губы бледные и узкие. Она производила впечатление дамы значительной и знала это.

– Ну, голубчик, покажи мне ее! – потребовала Головина. В ее голосе было нетерпение.

Александра сделала книксен, стараясь сдержать улыбку.

– Что ж, хороша, – сказала Аннета по-французски. – И очень хороша! Только что ж это за Иванцовы такие?

– Моя мать – урожденная княжна Михайлова-Замойская, – так же по-французски ответила Александра. С некоторых пор она уже не опасалась за свой французский язык. Благодаря ежедневным урокам и тому, что она больше года вращалась в высшем парижском обществе, тот был почти безупречен.

– Не те ли это князья, у которых дом на Тверской, и которые в родстве с Орефьевыми? – голос Аннеты слегка по-

теплел.

– Через Полин Михайлову, кухню моей покойной маман.

– Ах, вот как! Ну, так и мы, Головины, с Орефьевыми родня. Двоюродная племянница первой жены моего мужа, урожденная Саврасова, во втором своем браке замужем за Китаиным. А тот Орефьевым ближайший родственник. Его двоюродный брат женат на кухне Аркадия Михайловича Орефьева, Софи, – явно гордясь своей прекрасной памятью и отличным знанием дворянских родословных, сказала Аннета.

– Я рад, что все оказалось не так уж и безнадежно, – улыбнулся граф. – Позвольте предложить вам чаю, кухня?

Оттаявшая Аннета, подобрав подол огромной юбки, усе-
лась на диван, бесцеремонно сказав хозяйке:

– Садись-ка рядом, душа моя. Буду тебя рассматривать. Вот уж не ожидала, что Алексис женится во второй раз! Да на такой хорошенькой, беленькой девочке! Что ж это? Любовь, а? Седина в бороду, бес в ребро, так что ли?

– И на старуху бывает проруха, – в тон ей ответил граф. – Каюсь, я совершил безрассудный поступок и теперь хотел бы все исправить.

– Жена не рукавица, – нахмурилась Аннета, – с белой ручки не стряхнешь.

– Какие новости при дворе? – поспешила перевести разговор, стараясь уйти от щекотливой темы, Александра.

– При дворе вовсю обсуждают последнее «васильковое

чуждачество» государя нашего, Николая Павловича, – оживилась Аннета.

– Как-как? – удивилась графиня.

– Вот уж точно: седина в бороду, бес в ребро! Тютчев как-то метко назвал милые шалости Николая Павловича «васильковыми чуждачествами», да так оно и пошло. Что ж, он поэт, наш Федор Иванович, мастер слова. Он шутит, мы принимаем. После того как Александра Федоровна родила седьмого ребенка, доктора сказали, что следующие роды могут стать для императрицы последними. Государю пришлось с этим смириться, но его особое внимание к фрейлине Вареньке Нелидовой уже ни для кого не секрет. Ходят слухи, что теперь она беременна, хотя ничего еще не заметно.

– Выходит, теперь у государя постоянная любовница. Это хорошая новость или плохая? – спросил Алексей Николаевич.

– Да кто ж его знает? Но вокруг Нелидовой мигом собралась толпа искателей.

– А что она?

– Мила, остра на язычок, хотя красоты особой я в ней не замечаю. Не то что твоя женушка, – пристально глянула на юную графиню Аннета. – Беленькая, ясноглазая, а та черна, как галка. Но фрейлина Нелидова, как никто другой, может Николая Павловича позабавить. Говорят, он устал от государственных дел. И даже жаловался недавно Смирновой-Россет: ах, почему я император? Был бы я птичкой, уле-

тел бы на волю. Хочу, мол, отдохнуть от трудов праведных.

— А не привирает ли наша Александра Осиповна? — улыбнулся граф. — У нее ведь такая богатая фантазия, говорят, она даже пишет мемуары.

— Уж и не знаю, правда ли это? Но ей пишет Гоголь, — поджала губы Аннета. — Этот скверный, желчный человек низкого происхождения, распространяющий прескверные, злые карикатуры на наше общество.

— Ей, кажется, и Пушкин писал, и господин Лермонтов.

— Дурной-то пример заразителен! — рассмеялась вдруг Аннета. — Ну да бог с ней. Пусть пишет.

— Что еще обсуждают при дворе?

— На днях государь выиграл в карты двадцать пять рублей и купил на них Александре Федоровне прелестную шляпку. Та была в восторге.

Александра звонко рассмеялась.

— А еще обсуждают жену Сержа Соболинского.

И граф, и графиня одновременно вздрогнули, но оба не подали виду, что упоминание имени Соболинского их взволновало.

— Он нам сосед, — ровным голосом сказала Александра. — Имение его тетушки находится в той же губернии, где прошло мое детство. Я часто у нее бывала. Федосья Ивановна очень мила, хотя и старомодна. И его я немного знаю, хотя мы и не в родстве.

— Вот как? Тогда вам это покажется занятным. Года три

назад или чуть меньше? Да, впрочем, разницы никакой нет, когда это случилось. Наш красавец Серж вдруг взял да и женился на Кэтти Берсеновой. Мы так и зовем ее: Кэтти, бог знает отчего. Она рыжая, как какая-нибудь шотландка, до самых ушей усыпана веснушками и одевается так нелепо, что над ней смеется весь двор. Мы принимаем ее из жалости. Ведь после того, как отец Катерины Григорьевны принял дворянство, перед Берсеновыми захлопнулись двери лучших купеческих домов. Должны же мы были как-то ее поддержать? Брак Соболинского, конечно, откровенный мезальянс. Он-то из столбовых дворян, а она дворянка новая. Мало того, что жалованная, еще и за деньги! За то, что ее отец несметно разбогател! Это ли не позор для столбового дворянина, такого как Серж Соболинский? Но, видать, совсем плохи дела у нашего красавца.

– И что ж, ему простили этот брак? – тихо спросила Александра.

– Ему все сходит с рук, – махнула рукой Аннета. – Простили, мало того, дали чин камергера. Дамы просто с ума сходят, так хотят видеть его на придворных балах. Замучили государыню просьбами. Не понимаю я, чем уж он их берет? – с досадой сказала Аннета. – Что до его жены, я с ней едва здороваюсь и уж, конечно, никогда у них не бываю. И принимать у себя не намерена, даже если она вылижет языком всю пыль от ворот моего дома до дверей гостиной. Таких выскочек, как эта Кэтти, надо обходить стороной. Ста-

рое-то оно вернее.

– Но говорят, Берсеневы очень богаты, – осторожно заметил Алексей Николаевич.

– Так-то оно так. Приданое за Екатериной Григорьевной дали миллионное. Иначе не быть бы ей замужем за Соболинским. К тому же она старше его на пять лет. В девках засиделась.

– Отчего же засиделась при таком-то приданом? – спросил граф.

– Очень уж собой нехороша.

Александра тайком вздохнула с облегчением. Значит, жена Сержа почти уродка и старше на пять лет. Так ему и надо! А он, выходит, выжил после тяжелого ранения. Выжил и женился на Уральских заводах. Значит, и он теперь богат.

– Вернемся к нашим делам, – важно сказала Аннета. – Дворцовыми сплетнями я уже вас позабавила.

– Я написал государю письмо, – Алексей Николаевич поднялся и направился к бюро. – Вот оно.

– Письмо я передам. И на словах за тебя, кузен, похлопочу. Только будет ли толк?

– Что еще можно сделать?

– Что тут сделаешь? – вздохнула Аннета, пряча письмо своего кузена в потрепанный бархатный ридикюль необъятного размера. – На все воля Божья и государева.

Она поднялась и едва заметным движением рук, свойственным только дамам высшего света, оправила юбку.

Несмотря на высокий рост, Аннета держалась удивительно прямо, казалось, что под платьем на ней отлитый из стали корсет. Это прибавляло гофмейстерине еще пару сантиметров роста. Аннета получила хотя и домашнее, но весьма суровое воспитание. Граф как-то рассказывал Сашеньке, что его кузин, совсем еще маленьких девочек, будили в семь часов утра, обливали ледяной водой и после скудного завтрака отправляли в классную комнату, а строгая гувернантка-француженка заставляла их часами лежать на полу, на ковре, вытянувшись во весь рост, чтобы выработать горделивую осанку. Поэтому Аннета скорее умерла бы, чем позволила себе хоть на минуту расслабиться, согнуть спину.

Зато благодаря безупречным манерам и родственным связям она, практически бесприданница, не обладающая особой красотой, сумела составить блестящую партию. Ее муж был намного старше, и вот уже лет десять как Аннета овдовела. Вся ее жизнь прошла при дворе, влиятельные родственники сумели добиться ее назначения во фрейлины, потом Аннета весьма удачно вышла замуж, получила новый придворный чин, а когда овдовела, постоянную должность при императрице. Гофмейстерина теперь заведовала ее канцелярией. Александра Федоровна была по-особому расположена к Головиной. Хотя Аннета и не блистала при дворе, она формировала там мнение. И ее мнение зачастую становилось мнением всего высшего общества. Вот почему граф Ланин так надеялся на свою кузину.

Когда она уехала, Алексей Николаевич задал жене прямой вопрос:

– Итак, ты узнала, что Соболинский жив. И что ты при этом почувствовала?

– Я также узнала, что он женат.

– И какие при этом были твои чувства? – настойчиво спросил граф.

– Я разлюбила его еще три года назад, когда узнала, что он стал причиной смерти Долли.

– Так ли это?

– Алексей Николаевич, мне не нравится, как ты это спросил. Ты будто ревнуешь. Да, я сейчас узнала, что Соболинский жив. Но у меня не возникло желания его увидеть. В моей душе нет больше никаких чувств к нему. Все умерло.

– Потому что ты была уверена в его смерти. Юной женщине, полной, как ты, жизни, трудно любить мертвеца. Но теперь все изменилось. И я вынужден взять с тебя слово.

– Какое слово? – вздрогнула она.

– Слово, что ты не будешь искать с ним встречи. Ты не будешь ему писать.

– Никогда!

– Я, увы, не могу взять слово, что ты не будешь его любить...

И тут Александра бросилась мужу на шею. Крепко обняла его, и, заглядывая в глаза, спросила:

– Как я могу предать тебя? Ты – моя душа. Ты вдохнул

ее в меня, заставил думать, желать, искать чего-то нового, я словно проснулась, когда уехала из Иванцовки, неужели же я могу такое забыть? И поступить с тобой нечестно?

– Боюсь, что он – твое сердце, – сказал муж, отстранившись. Лицо его было хмурым. – А ему, как говорится, не прикажешь. Но если вы не будете видеться, то все, возможно, и обойдется.

– Даже если мы будем видеться... Я даю слово, – твердо сказала она. – Никаких отношений у меня с господином Соболинским не будет. И принимать его в моем доме я не буду никогда. Я никогда не буду находиться с ним в одной гостиной, танцевать с ним на балу, если он меня вдруг пригласит.

– А вот это невозможно. Сразу пойдут толки. В свете очень внимательны к такого рода вещам и сразу же начнут искать причину. Тебе придется вести себя так, чтобы не давать повода для сплетен, даже если при этом сердце твое будет обливаться кровью. Но таковы правила. Едва ты позволишь себе хоть малейшее проявление чувств, на тебя набросятся сотни блюстителей нравственности, сами гораздо более грешные, но умеющие тщательно это скрывать. Ты должна вести себя с ним так, будто он твой хороший знакомый, но не родственник, танцевать с ним, но не более двух раз, обедать вместе с ним, если вы получите приглашение в один дом, но никогда у тебя или у него. Встречаться с ним в гостиных ваших общих знакомых, но никогда не оставаться наедине. Если ты будешь соблюдать все эти правила, никакая

опасность тебе не грозит.

– Хорошо, – она улыбнулась. – Я буду их соблюдать. Но как только я почувствую опасность, я тут же уеду в деревню. И тут уж, Алексей Николаевич, я возьму с тебя слово. Слово, что ты меняпустишь.

– Но ведь при этом я буду знать, что ты почувствовала опасность, – внимательно посмотрел на нее муж.

– Я уже не та Шурочка, какой была в семнадцать лет. Теперь я могу противостоять, и не только господину Соболинскому.

– Дай Бог, чтобы это было так, – грустно сказал граф.

Он словно почувствовал, что в их жизни скоро наступят перемены. И прежние опасности покажутся ничтожными по сравнению с теми, что ждут здесь, в Петербурге. В городе, где составляются самые блестящие партии, делается самая стремительная карьера, проходят самые громкие балы, на которых блистают самые красивые в России женщины. Где лучшие актеры разыгрывают знаменитые на весь мир пьесы, лучшие композиторы, замирая от страха и надежды, устраивают премьеры опер, лучшие поэты читают только что написанные стихи, а лучшие художники выставляют самые удавшиеся свои полотна. И где самое безжалостное отношение к неудачникам, к тем, кто впал в немилость или упустил свой шанс.

Глава 2

Прошла неделя, другая, а вестей от Аннеты все не было. Александра успела уже привыкнуть к уединенной жизни, которую они с мужем вели в Петербурге. Жизни, лишенной светских развлечений, без обязательных визитов к многочисленной родне, обмена новостями, модных вечеров, балов, которые с наступлением осени гремели в северной столице. Уездные дворяне, выручив деньги продажей урожая или же просто взяв в долг, везли подросших дочерей в дома к влиятельным родственникам, которые могли обеспечить приглашения на балы. И хотя Москва тоже славилась на всю Россию как ярмарка невест, понятно было, что самые выгодные партии составляются здесь, в Петербурге.

Поэтому до самого поста, до середины ноября, балы и маскарады шли непрерывной чередой, хотя настоящее веселье должно было начаться когда наступит Рождество. Но графиня Ланина была от всего этого в стороне. Разумеется, она могла бы поехать на маскарад, скрыв свое лицо под маской какой-нибудь Зари-Заряницы или Феи Ночи, но ей почему-то было не до веселья. Она теперь знала, что Соболинский здесь, в Петербурге, и не вполне была уверена, как поведет себя с ним, случись им встретиться. Разумом она понимала, что надо дать понять Сержу, что всякие отношения между ними отныне невозможны, но сердце... Сердце

билося при одной только мысли, что он окажется в опасной близости.

«Как-нибудь я с этим справлюсь», – думала Александра, но на всякий случай избегала бывать в местах, где могла бы повстречаться с прежним своим любовником.

Меж тем на землю лег снег, и все вокруг стало каким-то особенно чистым и светлым. Один день был похож на другой, Алексей Николаевич вставал засветло, подолгу работал в своем кабинете, пока графиня занималась домашним хозяйством, хотя и небольшим, но требующим женского глаза. Прислуги у них было не много, все люди проверенные, умеющие держать язык за зубами. Ожидание, быть может, томительное для мужа, Александра переносила легко. Она уже успела соскучиться по снегу, по морозному воздуху, при глубоком вдохе обжигающему нёбо как острый перчик, но потом наполняющему легкие свежестью, а рот какой-то особой, ни с чем не сравнимой сладостью.

Наконец объявилась Аннета. И с хорошими вестями.

– Твое письмо, Алексис, дошло до государя, – взволнованно сказала она кузену. – Сначала он разгневался, но потом смягчился. Но ему надо время. Николай Павлович должен привыкнуть к мысли, что ты с женой здесь, в России, и опять готов послужить отечеству. Месяц-другой придется обождать. Как только закончится пост, в Царском Селе будет дан бал-маскарад для широкой публики. Поэтому вы можете там быть, хотя бы и без официального приглашения.

Остановитесь в доме у моего сына, я распоряжусь, чтобы вам приготовили покои. Вечером, перед балом, я буду ждать вас в Большом дворце, комнаты придворных дам находятся наверху, под самой крышей, да ты, Алексис, знаешь, – погрозила она пальчиком кузену.

– Не будем вспоминать прошлое, – тонко улыбнулся граф.

– Поскольку графиня не представлена императрице, ваш визит в Царское Село и присутствие на балу будет тайным, с милостивого разрешения государя. Такое возможно только на маскараде, будем считать, что это наша удача. На балу надлежит быть в маскарадных костюмах. Во время танцев Николай Павлович даст тебе, Алексис, аудиенцию, я уж об этом позабочусь. Ну что, душа моя? – пристально посмотрела Аннета на графиню. – Рада?

– Не знаю, – честно ответила она.

– Вот и посмотрим, на что ты годна, – бесцеремонно сказала Аннета и поспешила откланяться, сославшись на неотложные дела.

В середине декабря посыльный передал графу Ланину афишу. Текст был написан по-французски.

– Бал-маскарад состоится шестого января, – взволнованно сказал жене Алексей Николаевич. – Всем гостям надлежит быть в костюмах конца XVIII века, дамы в пудре и больших фижмах, мужчины в напудренных париках и камзолах. У нас мало времени, боюсь, все модные портные уже заняты заказами. Придется их перекупать. Что ж, все они люди

и до денег падки, а у нас они есть. Решается наша судьба, Сашенька.

Оставшееся до маскарада время прошло для графини в приятных хлопотах. Выбор ткани для костюмов и подходящих к ним украшений, бесконечные примерки, заказ париков и, опять же, примерки. Перед предстоящими в ближайшие месяцы празднествами все в Петербурге буквально сбились с ног, и заказчики и мастера. Все лучшее было разобрано загодя, за хорошего портного светские львицы были готовы душу дьяволу продать, если бы таковая сделка была возможна.

Наконец маскарадные костюмы графа и графини Ланиных были готовы. Деньги на это потрачены огромные, лучшему портному пришлось заплатить втрое, но тут уж нельзя было ударить в грязь лицом. Хоть и будучи в опале, но граф Ланин по-прежнему оставался одним из богатейших людей России, и его жена, появившись впервые на придворном балу, должна была затмить всех своей красотой и нарядом. Только это могло послужить в глазах государя оправданием безрассудного поступка графа. Николай Павлович и сам был небезгрешен, если к его сердцу и был ключик, то он лежал в прелестных женских ручках.

Образцы для маскарадных костюмов взяли с фамильных портретов, Алексей Николаевич специально посылал за ними в особняк на Фонтанке.

Белый напудренный парик был Александре особенно к

лицу, подчеркивая его безупречный овал, а пышные фижмы делали ее осиную талию еще тоньше, казалось, ее можно легко обхватить одной рукой. Роброн лазоревое цвета из плотной, тяжелой ткани оттенял яркие глаза, и милое личико графини просто сияло от восторга, когда она смотрела на себя в зеркало. Вздернутый носик, ровная линия бровей, алые губки. Оставалось только набелить и нарумянить лицо согласно моде того времени да начернить брови. Коробочка с мушками, вещь также необходимая в конце прошлого века, ждала своего часа.

Алексей Николаевич, хмурясь, примерил свой маскарадный костюм. Теперь он был точь-в-точь как важный сановник с фамильного портрета, какой-нибудь министр или даже канцлер, и Александра не преминула это заметить.

– Сдается мне, что все это мистификация, – покачал головой Алексей Николаевич, оправляя камзол. – Что-то не верится мне в добрые намерения государя. Похоже, он просто решил меня проучить.

– Ну так давай не поедem!

– Ехать надо, – твердо сказал граф. – Посмеяться надо мной никто не посмеет, а злословить все одно будут. Мне к этому не привыкать. Зато ты у меня красавица! Этого не смогут не заметить.

– Но ведь на мне будет маска, – лукаво улыбнулась графиня.

– Это очень удобно, когда визит должен остаться тайной.

Для того, я полагаю, и придуманы маскарады. И никакая маска, дорогая моя, не способна скрыть твоей грации и замечательной фигуры. Что ж, посмотрим, чем все закончится. Будь готова, что на маскараде ты встретишь Соболинского, – предупредил граф.

«Как хорошо, что на мне будут маска и парик! – подумала Александра. – Я буду знать, что Серж там, но он не будет знать, что я на маскараде. Что я вернулась. И я смогу сдерживать слово, данное Алексею Николаевичу».

Наконец назначенный день настал. Александра так готовилась к нему, что даже не заметила, как прошел декабрь. Главный ее праздник был впереди. Вечером, накануне шестого января, они с мужем прибыли в Царское Село. Аннета разместила чету Ланиных в доме своего старшего сына, хоть и не свободно, но вполне комфортно. Во дворце же шли последние приготовления к балу.

– Я в списке почетных дам королевы, – с гордостью сказала Аннета. – Вместе с императрицей.

– Какой королевы? – удивленно спросила Александра.

– Королевы Бобины. Маскарад решили сделать по примеру Франции, где есть традиция в Крещение печь пирог и заделывать в него боб. Кому он достанется, тот делается Королем Бобом. Он выбирает Королеву и назначает придворных. Король Бобов нынче граф Вильегорский.

– А королева?

– Россет, кто ж еще? – недовольно сморщилась Аннета.

Видно было, что она ревнует к более успешной и заметной при дворе даме.

– Отчего же не Нелидова?

– Нелидова, как и я, в списке почетных дам. Государь всегда соблюдает приличия.

– Но в случае со Смирновой-Россет этого не скажешь, – тут же возразила Александра.

– А ты, *ma chère*, никак остра на язычок! Те фаворитки, душа моя, которые пристроены, то есть, удачно выданы замуж, общественному мнению уже не опасны. А Нелидова девица, да к тому ж беременна. Теперь уже и заметно. Вот ее и прячут. Что ж, завтра и ты увидишь государя. Я беру тебя под свое покровительство. Танцевать-то умеешь?

Александра улыбнулась. Да вы ей только позвольте, танцевать! Дайте же услышать эту божественную музыку, вальс! Она только теперь поняла, как же соскучилась по балам. А тут не просто бал, а бал-маскарад! Раньше Александре не доводилось на них бывать, для дам Сен-Жерменского предместья, где они с мужем жили в Париже, это считалось недопустимым. Даже королевский двор не мог сравниться строгостью этикета с этим чрезвычайно замкнутым мирком истинных аристократов, славящихся не столько своим богатством, сколько снобизмом. Только на Венецианском карнавале графине Ланиной удалось, наконец, примерить маскарадный костюм, но то было празднество, вынесенное на улицы города, и для молодой женщины, решившей насладиться

им сполна, небезопасное. Она окунула в это веселье лишь кончики пальцев, если так можно выразиться, да и то ее руки были в перчатках. Но теперь... Теперь она горела желанием узнать, что же такое бал-маскарад в России, в самом блестящем и светском ее городе, Петербурге.

... В огромную парадную залу с хорами графиня Ланина вошла в необычайном волнении. Кузина Аннета, похоже, решила не отходить от нее ни на шаг. Это покровительство Александру заметно сковывало, она не могла понять, чего хочет от нее знатная родственница. Она отметила, что на груди у Аннеты, с левой стороны, красуется усыпанный бриллиантами портрет императрицы. Это был знак отличия Головиной и особой милости со стороны ее покровительницы.

Официального приглашения у графа Ланина не было, но их беспрепятственно пропустили в покои гофмейстерины. Карета же осталась у подъезда, не обозначенного в списке, что само по себе уже было унижением. Публика съезжалась на бал согласно чинам, и то, что Алексею Николаевичу нельзя было, как прочим тайным советникам, прибыть к парадному подъезду, означало, что он им теперь не ровня. Александра слабо разбиралась в тонкостях дворцового этикета, но граф, прекрасно зная церемониал, нахмурился и долго расспрашивал Аннету: уверена ли она, что государь даст ему аудиенцию?

Зал был полон гостей. Александра слышала от мужа, что

на больших придворных балах бывает по несколько тысяч приглашенных, и что для высшей знати присутствие здесь обязательно, но при виде такого скопления дам и господ в маскарадных костюмах она все равно слегка потерялась. Разве возможно здесь быть замеченной? Просто танцевать – и то тесно! В глазах рябит от кружащихся пар! Александра вдруг почувствовала себя прежней деревенской девочкой, Золушкой, впервые попавшей на бал, под парадным платьем которой бьется доброе сердце простушки, замарашки при метле и грязных кастрюлях. Нет, не создана графиня Ланина для придворных интриг, напрасно муж возлагает на нее такие надежды.

Оркестр уже играл вальс, и у Александры невольно заняло сердце. Через прорези отделанной кружевом полумаски она вглядывалась в танцующих, пытаясь угадать среди них Сержа.

– Королевская семья, – шепнула Аннета, указывая на группу дам и кавалеров в особенно пышных маскарадных костюмах.

Александра почему-то подумала, что один из них государь. Самой же заметной из дам была невысокого роста, но необычайно изящная брюнетка. Судя по тону ее кожи и чертам лица, она просто обязана была быть брюнеткой! У нее был безупречный профиль и, кажется, большие красивые глаза. Лицо дамы было наполовину скрыто маской, а высокий парик венчала сияющая корона. Александра поняла,

что это и есть Россети, королева бала. В ее движениях было столько величавости и поистине королевского достоинства, что Александра невольно позавидовала. Вот кого, должно быть, все здесь обожают!

В группе людей, окруживших Смирнову-Россет, выделялся тучный господин в огромном парике. Он выглядел так комично, что Александра невольно улыбнулась.

– Толстый, большой, жирный – рейт-паж королевы, – шепнула Аннета.

– Как-как?

– Его «придворная должность» на этом балу. В миру он комендант Царского Села, Григорий Захаржевский. Министры... Министр Неправосудия, он же принц Ольденбургский, министр Мира Чернышев, министр Публичных Мраков и Разноголосицы, министр Публичного Здравия, – продолжала перечислять «придворные» должности Аннета.

Александра уже откровенно смеялась.

– А это наши «выдающиеся» дамы, – ядовито улыбнулась Аннета. – Посольша царицы Чечевицы, Флора, Лунный Свет... Ведьмы, – злорадно сказала Головина.

– Ведьмы?

– Огарева и Чичерина. Ведьмы и есть.

– А та страшная дама? Тоже ведьма?

– Баба-Яга. Только это не дама. Это князь Волконский.

Александра звонко рассмеялась.

– Что ж, Гедеонов на славу постарался, – сухо сказала Ан-

нета. – Директор Императорских театров. Он тоже здесь, в маскарадной должности Обер-канцлера Вселенских Беспорядков. Я рада, душенька, что сумела вас рассмешить.

– Скорее, Гедеонов.

– Погодите-ка, я найду вам кавалера, – с этими словами Аннета наконец от нее отошла.

– Алексей Николаевич, – просительно посмотрела на мужа Александра, – быть может, тур вальса?

– Молодые красивые женщины на балу должны танцевать, – вздохнул граф. – А их ревнивые старые мужья стоять у стены со своими возрастными родственницами и злословить на счет танцующих. Не беспокойся, мой друг, сейчас Аннета все устроит.

– Дозвольте предложить вам тур вальса, мадам?

Александра и не заметила, как к ней подошел кавалер в напудренном парике и расшитом золотом камзоле. Кажется, он был молод и, возможно, хорош собой, но на нем, как и на ней, была маска. Александра не успела выразить свое согласие, как ее тонкую талию обхватила сильная мужская рука, а дальше... Голова у нее закружилась, это было то приятное, чрезвычайно волнительное кружение, которое всегда охватывало ее во время вальса, и с которым были связаны, пожалуй, самые сладкие в ее жизни воспоминания.

Краем глаза она заметила, как муж о чем-то шепчется с Аннетой, и лица у них при этом взволнованные и загадочные. Александра заметила также, что и на нее смотрят. На то,

как она летит по зале, запрокинув, словно под тяжестью напудренного парика, изящную голову. Вальсирование в таком наряде требовало определенной ловкости, пышные фижмы мешали, но с другой стороны, между дамой и кавалером не возникало опасной близости, которая была неизбежна на обычном балу. Потому и решено было не разучивать танцы прошлого века, ограничиться лишь нарядами. В конце концов, это ведь была только пародия на бал. Веселая святочная игра, полная сюрпризов.

– Вы изумительно... изумительно вальсируете... – шепнул Александре ее кавалер. Она почувствовала его горячий взгляд в самой ложбинке своего глубокого декольте, украшенного бархатной мушкой, и по телу разлился жар.

Это чувство было ею давно уже забыто. Она даже представила на минуту, что ее талию охватила стальная рука Сержа, что это он несет ее по сияющему паркету, словно ветер несет по волнам шхуну с расправленным парусом. Туда, к горизонту, где небо сливается с морем и в голубых просторах их ждет такая долгожданная, такая пьянящая свобода... Под толстым слоем румян щеки ее разгорелись, из груди вырвался гортанный смех. Не успел ее оставить один кавалер, как тут же подхватил другой. Александра, бесспорно, привлекла к себе всеобщее внимание.

– Могу поклясться, что я вас не знаю, – сказал ей очередной партнер.

– Тем лучше. Ведь это интрига?

– Кто вы, маска?

Она легко рассмеялась.

– Юная, красивая, богатая... – это уже шептал другой. –

И кто же счастливец?

– Откуда вы знаете, что я замужем?

– Вы замужем... Но у вас нет любовника...

– Вы забываетесь, сударь...

– Да, я совсем потерял голову... От вашей красоты...

– Но ведь на мне маска... Откуда вы знаете, что я красива?

– У вас синие глаза, этого довольно... Из какого тайного приюта муз вы сюда прибыли? Кто вас отпустил? Он безумец...

– Ах, я так счастлива!

О нет, она не сказала это, а всего лишь подумала.

– Я вижу, ты счастлива.

Муж. Боже мой! Как она могла забыть, что замужем?!

– Твоя женушка пользуется большим успехом, кузен, – заметила Аннета. Кажется, гофмейстерина была довольна.

Вдруг Александра почувствовала, как ее сердца будто раскаленная игла коснулась. Она даже на мгновение перестала дышать. Ей показалось, что в одном из летящих по паркету кавалеров в напудренном парике она узнает Сержа Соболинского. Знакомый наклон головы, чеканный профиль и яркие глаза, кажется, синие. Они не виделись три года, черты его лица старательно были ею забыты, к тому же на нем были черная полумаска и напудренный парик.

«Нет, это не он...»

– Разрешите предложить вам тур вальса?

Теперь она летела навстречу Сержу, также сменившему партнершу, если, конечно, это был он. На какое-то мгновение они оказались совсем рядом. Она даже почувствовала аромат его духов, горячее дыхание и такой знакомый запах его волос и кожи. По крайней мере, Александре казалось, что она его чувствует, хотя, возможно, это были всего-навсего проделки ее памяти, которая до сих пор помнила каждую мелочь, каждое слово, сказанное во время их с Сержем недолгих свиданий. И тут мужчина повернул голову в ее сторону. Даже под маской было заметно, что он взволнован. Александра старалась не смотреть на него. В объятьях своего кавалера она пронеслась мимо.

Потом она на минуту остановилась, чтобы отдышаться. Партнер ее оставил, и тут графиня Ланина увидела, что привлечший ее внимания мужчина, так похожий на Сержу, направляется к ней. Александра беспомощно оглянулась. Она вдруг почувствовала себя голой, казалось, что под маской он видит ее лицо, а под платьем все ее пылающее тело. Господи, он же так хорошо ее знает! Каждый изгиб, каждую родинку. Еще минута, и на ее талию опустится его рука...

«Нет! Я этого не вынесу! Только не это! Не сейчас!»

Словно услышав ее мольбу, музыка кончилась. Вальс должен был смениться мазуркой, и здесь Александре требовалась помощь Аннеты.

Кузина же, как нарочно, куда-то исчезла. Александра взяла у проходившего с подносом лакея бокал шампанского и присела на стул, стараясь быть незаметной. Шампанское было ледяное и необычайно вкусное. Она сделала несколько глотков и немного успокоилась. Это могла быть ошибка. Она приняла за Сержа кого-то другого. Как бы ей хотелось, чтобы это была ошибка!

– Скоро полночь, – раздался рядом голос мужа.

Она вздрогнула:

– Как? Уже полночь?

– Золушка боится, что ее карета превратится в тыкву? – рассмеялся граф. – Не думаю, что тебе стоит об этом волноваться. Хотя, если ты не хочешь снимать маску...

– Снимать маску?

– А ты разве не знала об этой милой традиции? По окончании бала нам всем придется снять маски. Я вижу, мой друг, тебе было весело. Ты, без сомнения, пользуешься опасным успехом.

– Опасным?

– Что с тобой? – заволновался муж. – Ты каждый раз повторяешь мои же слова, словно думаешь о чем-то. Или о ком-то?

– О нет! Мне и в самом деле весело, Алексей Николаевич! Но как же наше дело? – спохватилась вдруг Александра.

– Аннета пошла напомнить о нем государю.

– Ах, вот куда она исчезла!

– Я тоже вскоре уйду. Не думаю, что аудиенция продлится долго, а вот ожидание... Ожидание может оказаться не только томительным, но и тщетным. Прости, мой друг, что испортил тебе мазурку. Тебе нужна была дама для пары. Я вижу здесь своих старых друзей, с их женами и юными дочерьми, которые все танцуют, но боюсь им об этом напоминать. Лучше не знать, что потерял друга, чем и в самом деле его потерять.

Тут граф и графиня увидели, что к ним торопится Аннета.

– Государь назначил тебе, Алексис, ждать его в одной из лож. Идем, я тебя провожу. Сейчас начнется котильон, а Николай Павлович большой его любитель. Времени у нас не много.

– Надеюсь, он обо мне не забудет? – усмехнулся граф.

– Если только не увлечется какой-нибудь красавицей.

– Что ж, будем надеяться, что смогу составить ей конкуренцию.

– Идем же, Алексис, – нетерпеливо сказала Аннета.

Вследствие своего возраста сама Головина уже не танцевала, ей оставалось только, стоя у стены, обсуждать наряды и поведение присутствующих на балу дам, да опекать молоденьких родственниц. Александра забыла спросить мужа, есть ли у гофмейстерины дочь, и если есть, в каком она возрасте? Должно быть, на выданье или уже замужем. Тогда почему ее здесь нет? Надо будет справиться у Алексея Николаевича.

Когда Аннета и муж ушли, Александра вдруг почувствовала себя потерянной. Ей стало немного грустно, потом немного скучно, хотя сейчас-то и начиналось все самое интересное. Ужин, а после него котильон. Шутки, игры, танцы с налетом фривольности. Под маской было дозволено все: откровенный флирт, назначение свиданий, обмен записочками.

Перед самым ужином объявилась Аннета. Она отвела Александру в залу, где были накрыты столы. Место графине Ланиной досталось опять-таки не по чину. Хорошо, что муж этого не увидел, его такое откровенное пренебрежение задело бы. Сам же ужин был роскошный, но возбужденная танцами Александра съела самую малость. Она была взволнована, поэтому деликатесы, от которых ломился стол, занимали ее мало. После ужина все опять потянулись в зал для танцев.

«Аннета должна была подыскать мне подходящую компанию. Какую-нибудь свою возрастную подругу или родственницу, с которой мы вместе могли бы поскучать, стоя у стены», – с досадой подумала Александра. Среди толпы разряженных дам и господ она чувствовала себя одиноко.

И опять укол в самое сердце. Господин, так напоминающий графине Ланиной Сержа, опять направлялся к ней! Она поднялась, собираясь сбежать.

– Куда же вы так торопитесь, очаровательная маска? – услышала вдруг она низкий мужской голос и поспешно обернулась.

Осанистый мужчина высокого роста, почти великан, сильно перетянутый в талии, похоже, собирался ангажировать ее на танец. Графиня Ланина невольно почувствовала благодарность к своему спасителю и бестрепетно вложила свою маленькую руку в его огромную ладонь. Ей показалось, что музыка на мгновение смолкла, а потом вдруг заиграла с новой силой.

Галантный кавалер ввел ее в круг танцующих. Александра чувствовала лихорадочное волнение от опасной близости Сержа, ей показалось вдруг, что все на нее смотрят, и взгляды эти большей частью осуждающие.

«Они все видят! Все понимают! Господи, да что же это со мной?!»

– Вы прекрасно танцуете... Я знаю всех женщин при дворе, которые хорошо танцуют, но вас не знаю, – сказал ее кавалер.

– Вы здесь служите, потому и знаете всех? – рассеянно спросила Александра.

– Служу? – великан вдруг гулко расхохотался. – Пожалуй, что и так! Служу, вы угадали. А вы... То есть, я хотел сказать, ваш муж. В каком он чине?

– Ни в каком. – «Лучше сказать неправду, чем все объяснять. Моя история слишком длинна для одного танца. Да и зачем ему это?»

– Отчего же он не служит?

– Оттого, что он честный человек, – простодушно сказала

Александра. Она вообще была рассеянна и больше смотрела по сторонам, чем на своего визави.

– По-вашему, все в России воруют?

– О нет! Что вы! Знаете известный анекдот? Государь после очередного своего вояжа за границу, проехав по дорогам России, сказал наследнику: «Похоже, в этой стране только два человека не воруют, ты да я». Ой! – спохватилась вдруг она. – Я не имела в виду придворную службу! Я говорила о чиновниках.

– Я вас так и понял, – спокойно ответил ее кавалер.

«Что-то музыка долго играет, – подумала Александра. – Этот танец давно уже должен был закончиться!»

– Это единственный анекдот о государе, который вы знаете? – улыбнулся великан.

– Разумеется, нет. Я знаю их много.

– Тогда расскажите мне хотя бы еще один, пока не кончился танец.

– Неужели при дворе не рассказывают этих анекдотов? Не верю, что и вы их не знаете!

– Мне не рассказывают.

– Отчего же? Вы не умеете над ними смеяться?

– Вам же удалось меня рассмешить, прекрасная маска. Я с нетерпением жду продолжения.

– Что ж... Вот вам еще один! Николай Павлович спросил у своего посланника в Дрездене, отчего тот не женат. На что получил ответ: «Ваше Величество, вы же запретили азарт-

ные игры, а их всех азартных игр женитьба – самая опасная».

– Выходит, что ваш муж – весьма азартный человек, – сказал, смеясь, ее кавалер. – Жениться на такой женщине – это авантюра. Красива, умна, остра на язычок и так отважна.

– Отважна? Нет, что вы! Я трусиха. И с чего вы взяли, что я красива?

– Вы очень красивы, – Александра почувствовала, как великан нежно сжал ее руку. – И я тоже очень азартный человек. Может быть, мы сыграем в эту игру вместе?

– В какую игру? – слегка испугалась она.

– Перестаньте! Вы все понимаете...

Она беспомощно оглянулась. Вот вам, маскарад! И что теперь делать? По счастью, в этот момент танец наконец закончился. К ее кавалеру подлетела не кто-нибудь, а сама Королева Бобина и со смехом увлекла в круг играющих. Кажется, там загадывали фанты. Александра поспешила исчезнуть.

Ни мужа, ни Аннеты по-прежнему не было. Графиня Ланина осталась одна, и время теперь тянулось для нее медленно, а не летело, как в начале бала. Александра рассеянно взяла с полноса, угодливо поднесенного лакеем, еще один бокал ледяного шампанского и уединилась в одной из комнат, где были накрыты столы с закусками. Ей отчего-то было тревожно.

Гости давно уже разбились на небольшие группы либо на пары, все оживленно что-то обсуждали, дамы откровенно флиртовали, их кавалеры готовились пожинать плоды своих

побед. В маскараде наступил тот переломный момент, когда безудержное веселье сменяется утомлением, и взгляд все чаще обращается к окну: не забрезжит ли рассвет?

Александра тоже почувствовала, что устала. Только она была здесь в гордом одиночестве. Хотя она заметила среди дам и господ, веселящихся на маскараде, хороших своих знакомых, если только не ошиблась, угадывая под маской. Эти люди не раз бывали в их с Алексеем Николаевичем доме, в предместье Парижа. С некоторыми они потом встречались в Италии, в Риме, на вилле княгини Зинаиды Волконской, такой же изгнанницы. Княгиня давно уже покинула Россию и создала настоящий приют муз для русских художников и поэтов там, за границей. В свете ее второй брак с графом Риччи и переход в католичество всех шокировал, но Волконская пренебрегла его мнением. Что влюбленным до сплетен завистливой толпы? Александра искреннее восхищалась ее мужеством, видимо, чувствуя в княгине родственную душу.

Что же касается знакомых... Муж прав: лучше уж не знать о том, что люди, охотно пользовавшиеся твоим гостеприимством в Париже, здесь, в России, могут отплатить черной неблагодарностью, зная, что ты в немилости. Они ведь тоже наверняка узнали под маской графиню Ланину, но ни один из них не подошел к ней хотя бы поздороваться, не говоря уже о том, чтобы скрасить ее одиночество, как-то развлечь, пригласить на танец. Она ведь не представлена императрице, а ее муж потерял все свои привилегии, пойдя против во-

ли государя. Никто не хочет навлечь на себя царскую немилость.

– Какой чудесный бал! – услышала вдруг она взволнованный женский голос.

– Ничего выдающегося. Слишком уж душно и тесно, а маскарадные костюмы прошлого века – полная глупость. Глупость и пошлость. Гедеонов – пошляк. Все грубо и безвкусно. А вот шампанское, да. Шампанское великолепно! – отозвался мужчина. Александра оглянулась и увидела даму в яркой желтой робе с пышными фижмами и господина в красном с серебром богатом камзоле. – Похоже, сократив чуть ли не втрое расходы на стол для своего семейства, государь смог устроить такое пиршество, – ядовито сказал господин. – Явно напоказ.

– Ананасы, персики, клубника... И это зимой! Какая роскошь! – продолжала восторгаться дама.

– Клубнички много, да... Ты заметила внимание государя к одной из дам? Умна, ничего не скажешь! Заинтриговала и исчезла! А он ее повсюду ищет.

– Но что скажет фрейлина Нелидова?

– Скажи лучше, что подумает жена? – расхохотался господин в красном камзоле. – Она уже решила, что дело в шляпе! То есть в шляпке. Не тут-то было!

– Ты думаешь, что...

Голоса вдруг смолкли. «Как неловко получилось! Я ведь подслушивала! – застыдилась Александра. – Что мне за дело

до придворных сплетен?»

– Вот вы где, прекрасная маска!

Александра оглянулась. Дама в желтой робе и ее кавалер куда-то исчезли, а перед ней стоял тот самый великан.

– Бал уже заканчивается, – грустно сказала Александра. – Я, похоже, устала.

– Я хотел бы закончить его с вами. Идемте.

Это было сказано таким тоном, что она не посмела ослушаться. Ее маленькая рука опять легла в огромную ладонь великана. На этот раз она танцевала молча.

Кульминационный момент маскарада наступил незаметно. Музыка вдруг смолкла, и ее кавалер решительным жестом снял свою маску и парик. Александра оторопела. Перед ней стоял сам император! Разумеется, графиня Ланина видела его портреты, один из них висел в парижском доме мужа, в его кабинете, но она никогда не видела Николая Павловича вживую и даже представить не могла, что государь так высок ростом! Да и на свои парадные портреты, надо признаться, мало похож. Изображение-то сильно приукрашено! В жизни государь выглядит гораздо старше, на голове у него огромная лысина, а талия сильно перетянута, видимо для того, чтобы скрыть наметившийся живот. Но не узнать его все равно невозможно.

Александра смешалась и не сразу поняла, чего же от нее ждут? Меж тем и остальные гости стали со смехом снимать свои маски. Ей ничего не оставалось, как развязать тесьму.

Маска упала, она еле-еле успела ее подхватить. Руки слегка дрожали, и Александра изо всех сил старалась, чтобы этого никто не заметил.

– Я вас не знаю, – сказал государь, глядя в ее взволнованное лицо. – Как ваше имя?

– Графиня Ланина, – сказала она, присев в глубоком реверансе. Сердце ее билось, в ушах шумело. «Как же я глупа! – думала Александра. – Что же я наделала! Что я ему наговорила! Меня никогда не простят! И Алексей Николаевич... Что будет, если он узнает?!»

– Ах, вот оно что! Так вы и есть та безродная девочка, которой Россия обязана потерей одного из выдающихся своих умов? А я – потерей друга.

– Моя мать урожденная княжна Михайлова-Замойская! – гордо сказала Александра.

– Ах, княжна...

Он как-то странно улыбался. Александра молчала, глядя в пол. Надо же было рассказывать государю анекдоты про него же самого!

– Что ж, идите... графиня. Вас, должно быть, уже ищут.

Николай Павлович легким поклоном дал ей понять, что беседа окончена. Под взглядами придворных она, как сквозь строй, прошла в конец залы, где к ней кинулась Аннета.

– Я вас повсюду ищу! Граф так и не дождался аудиенции! Он все еще в ложе! Идемте, надо распорядиться, чтобы подали ваш экипаж.

– Я никуда не поеду без мужа, – запротестовала она.

– Вы не можете здесь оставаться. Ах, неужели же все напрасно! Бедный Алексис!

«Если он узнает, кому обязан царской немилостью... Что ж, в деревню? И слава Богу! Подальше отсюда! Как на меня сегодня смотрели! Я чувствую себя как после публичной экзекуции! Теперь мне все понятно! Они обсуждали новую патию гсударя! И Серж... Видел он это или нет? Или же он уехал раньше? Какой позор! Позабавила же я сегодня двор! Завтра всем этим господам будет что обсудить!»

– Вы не можете оставаться в Царском Селе, – решительно сказала Аннета. – Вам надо сделать вид, будто вас здесь не было.

– Но...

– Пока никто не узнал... Хорошо, что вы были в маске.

«Ах, она еще не знает! Конечно! Ее же не было в тот момент, когда Николай Павлович спросил мое имя, и я вынуждена была во всем признаться! Ничего, ей скажут. Но лучше, если я в этот момент уже буду далеко. Бедная Аннета! Она ведь искренне хотела помочь своему кузену!»

– Хорошо, я немедленно уезжаю, – сдалась Александра. – Только переоденусь и распоряджусь, чтобы упаковали наш багаж.

– Поезжайте на Васильевский остров и ждите там мужа. Из дома никуда не выходите. Алексис пока останется здесь. Я все еще не теряю надежды.

В карете Александра уснула, сил у нее совсем не осталось, отвыкшие от танцев ноги невыносимо болели. Постепенно рассвело. Она немного успокоилась, увидев знакомый дом. За то время, пока они с мужем жили в Петербурге, Александра уже успела к нему привыкнуть. Сегодняшних волнений с лихвой хватило на все те спокойные дни, когда она жила в уединении, без светских развлечений.

Всего один визит во дворец, и... «И все кончено! – подумала она в отчаянии. – Я все испортила!»

Не надо ей было так увлекаться Сержем, возможно, что это был и не он. И опять во всем виноват Соболинский! Это же ее злой гений! Если бы она так не стремилась угадать Сержа под маской и избежать беседы с ним, она не наговорила бы глупостей государю. Была бы внимательнее, и по взглядам и поведению придворных поняла бы, кто ее кавалер. Ведь все было так очевидно.

Она так устала и переволновалась, что крепко уснула, едва очутившись в постели. Алексей Николаевич приехал лишь к вечеру следующего дня. Лицо у него было хмурое.

– Вышло так, как я и предполагал. Государь вовсе не собирался давать мне аудиенцию. Я напрасно прождал в ложе несколько часов. Похоже, это было наказание. После маскарада в ложу заглянул флигель-адъютант и сказал мне, что государь Николай Павлович очень устал. Аудиенция переносится на завтра. А сегодня...

– А сегодня? – эхом откликнулась Александра.

– Сегодня... Я тщетно ждал в приемной до того момента, пока мне не сказали, что государь спешно отбыл в Петербург. Похоже, мой друг, для нас все кончено. Либо саратовское имение, либо опять Париж.

– Разве Париж – это конец всему?

– Там пока спокойно. Но кто знает, как долго это продлится? Могут начаться волнения. Впрочем, есть еще Италия.

– Так поедem в Италию!

– Опять бегство? Ну, что ж... Я распоряжусь, чтобы приготовили наш багаж к отправке.

– Я бы хотела увидеть свою сестру и племянниц перед тем, как опять уехать за границу, – взмолилась Александра.

– Это не противоречит желанию государя. Пока стоит санный путь, мы можем пожить и в провинции. Но перед началом весенней распутицы нам надо будет уехать, Сашенька. Иначе мы надолго застрянем в глуши, и мои дела могут расстроиться. Без хозяйского глаза любое дело гибнет. Я не могу допустить нашего разорения.

– Хорошо. Месяца мне вполне достаточно.

– Так и решим.

Весь следующий день прошел в хлопотах. Муж ни разу не упомянул о приключениях Александры на балу, из чего она сделала вывод: не знает. А кто бы ему сказал? Опального графа по-прежнему все избегают.

«Когда-нибудь я ему расскажу. Наберусь мужества и признаюсь, кто во всем виноват. Но не сейчас. Я все испорти-

ла, наговорила государю глупостей, показала, какие у меня дурные манеры. Таким, как я, нечего делать при дворе. Там блистают женщины, подобные Аннете Головиной и Смирновой-Россет, Варваре Нелидовой. А я... Я еду в деревню!»

Александра с грустью обошла дом, который почти три месяца был их с мужем приютом. Пусть здесь нет ванной комнаты, парадной залы для больших приемов, большого штата прислуги. Но все равно, это очень милый и уютный дом. Жаль, что придется с ним расстаться!

– Ну что, готова? – ласково спросил муж.

– Да. Когда мы едем?

– Завтра утром.

– Наконец-то я увижу Жюли! Как же я по ней соскучилась!

Они сидели в гостиной, дожидаясь того момента, когда надо будет идти спать. Перед дальней дорогой надо было как следует отдохнуть.

– Ваше сиятельство!

В дверях стоял взволнованный слуга.

– Что такое?

– К вам офицер с пакетом!

– Какой офицер? – удивился граф. – Я никого не жду.

– Не могу знать, ваше сиятельство. Просят принять.

– Пусть войдет.

Видимо Алексей Николаевич хорошо знал вошедшего. Они тепло поздоровались, потом офицер, а это был не кто

иной, как флигель-адъютант самого государя, протянул графу пакет.

– Государь ждет вас завтра, Алексей Николаевич. Он даст вам личную аудиенцию, в своем кабинете, в Зимнем дворце. Рад за вас. Думаю, это новое назначение.

– Но отчего вдруг такие перемены?

Тут граф заметил, что его неожиданный гость неотрывно смотрит на Александру.

– Позвольте вам представить, князь. Моя жена, графиня Александра Васильевна Ланина.

– Очень рад, – по-французски сказал князь, целуя ей руку. – Надеюсь, когда вы будете блистать при дворе, графиня, мне позволено будет напомнить об этом знакомстве.

Она смутилась и порозовела, но муж этого, кажется, не заметил. Он был занят своими мыслями.

– Ничего не понимаю! – взволнованно сказал Алексей Николаевич, когда князь ушел. – Государь отказался встретиться со мной частным порядком, что ни к чему его не обязывало, и вдруг – официальная аудиенция в Зимнем! Отчего вдруг такие перемены? Что нужно от меня государю?

– Возможно, он вспомнил о твоих заслугах.

– Нет, тут что-то другое, – нахмурился Алексей Николаевич. – Как знать? Быть может, для нас лучше было бы и в самом деле уехать в деревню, а оттуда за границу. Но теперь делать нечего. Завтра меня примет хозяин Зимнего и об этом, конечно же, сразу все узнают. На всякий случай, мой

друг, будь готова ко всему.

Весь следующий день она провела в необычайном волнении. Александра почему-то подумала, что государь вызвал к себе графа Ланина, чтобы отругать его за непочтительность и глупость его жены. Ей было невыносимо стыдно, и она не могла найти себе оправдания. Она готовилась к неприятному разговору с мужем.

Алексей Николаевич вернулся под вечер, когда уже совсем стемнело.

— Ваше сиятельство, что с багажом прикажите делать? — спросил его камердинер Федор. — Едем мы или нет?

— Едем!

Александра ахнула. Так и есть! Это ссылка!

— В дом на Фонтанке, — весело сказал граф. — Езжай туда, Федор, скажи, чтобы с мебели снимали чехлы.

— Ну, слава Богу! — обрадовался Федор. — Выходит, домой едем!

И торопливо ушел.

— Значит, все хорошо? — спросила Александра, все еще не веря в случившееся.

— Мы беседовали не менее получаса, и государь был со мной чрезвычайно любезен. Даже назвал своим другом. Я получил новое назначение, — взволнованно сказал муж, прохаживаясь взад-вперед по комнате. — В комитет по строительству. Государь издал распоряжение о строительстве железной дороги Москва—Санкт-Петербург. Этому проекту

было много противников. Указывали на непроходимые топи, неровный рельеф местности, нехватку средств. Видимо, нужны мои капиталы, – усмехнулся граф.

– И что же ты, Алексей Николаевич?

– Я согласился стать одним из акционеров и руководителей проекта. Это выгодное предприятие, поверь. Только человек недалёковидный, ни разу не бывавший в Европе или ограничивающий пребывание там болтовней на водах с дамами, может не понимать, что без развитого транспорта Россия так и останется аграрной страной, где-то на задворках цивилизации. Железные дороги надо строить повсюду, это только начало, Сашенька. Я с радостью возьмусь за этот проект, но, увы, мой друг, это отнимет у меня много времени. Тебе придется занять себя самой. Государь хочет видеть тебя при дворе, в своей свите. Мне придется сдать тебя на попечение Аннеты. Она на правах гофмейстерины представит тебя императрице, и ты официально получишь право бывать на больших выходах и придворных балах. Кстати, мне вернули почти все мои привилегии. Теперь я просто обязан бывать при дворе, и ты, мой друг, тоже. Вот и сбылись наши мечты, – грустно сказал Алексей Николаевич. – Не хочу думать, что государь пожаловал меня только лишь для того, чтобы я не мешал ему наслаждаться красотой моей жены, – пошутил он.

Александра вспыхнула.

– Что-то случилось, мой друг? – пристально посмотрел на

нее граф. – Я чего-то не знаю?

– Нет-нет, все хорошо.

– Тебе надо отдохнуть, – мягко сказал Алексей Николаевич и, подойдя к жене, взял ее руку и ласково погладил. – А мне надо поработать. От меня ждут подробную справку о состоянии дел. Возможно, что мне придется уехать, я должен видеть, что уже успели сделать и насколько это правильно.

– Надолго? – испугалась Александра.

– Не знаю. Но ты не должна об этом думать. Старый, скучный муж уедет по своим скучным казенным делам. Ты же, мой друг, развлекайся, веселись.

«Веселись! – думала она, засыпая. – Как же я покажусь на глаза государю? А ведь мне придется с ним видаться! И каждый раз он будет думать, какая же глупая и наивная девочка эта графиня Ланина и, к тому же, с дурными манерами. Да лучше бы мне было тогда провалиться сквозь землю!»

Глава 3

Особняк на Фонтанке, куда они с мужем вскоре переехали, Александру сильно разочаровал. Она и сама не ожидала, что, едва очутившись внутри, проникнется к семейному гнезду графов Ланиных такой откровенной неприязнью. Дом этот был выстроен в конце прошлого века и снаружи производил очень приятное впечатление. Это был двухэтажный особняк прекрасной архитектуры, с двумя рядами колонн, с портиком, на котором красовался древний графский герб, с маленьким садиком, разбитом во внутреннем дворе. Сейчас этот садик был занесен снегом, голые ветки кустов сиротливо торчали из сугробов, клумбы были только обозначены, мраморные статуи сливались со снежным покровом, и возможно поэтому графине так грустно было смотреть в окно. Из ее спальни как раз был виден двор.

Что же касается внутренних покоев... Предки графа Ланина жили открыто, поэтому и дом в северной столице выстроили соответствующий. Он был предназначен большей частью для жизни светской, балов, раутов, словом, для приема многочисленных гостей, поэтому все в нем было для их удобства, а вовсе не для удобства самих хозяев.

Весь первый этаж занимала анфилада огромных, полупустых парадных комнат. И хотя все они были прекрасно декорированы дорогими тканями и редкими породами дерева, а

также полудрагоценными камнями, такими, как оникс, нефрит, агат, сами тона отделки были холодные, отчего, находясь внизу, Александра все время мерзла. Здесь было очень неудобно.

Жилые же комнаты находились наверху, в мезонине. Там был кабинет самого хозяина, небольшая приемная, общая спальня и женская половина, полностью отданная теперь в распоряжение молодой графини. Имелась и темная проходная комната, где она все время испытывала страх. Неробкая от природы, Александра, тем не менее, боялась... увидеть женское привидение! Она была уверена, что покойная графиня Лиза ревнует ее к любимому.

На женской половине ей было еще неудобнее, чем внизу. После смерти графини Лизы эти комнаты остались сиротами. Они пребывали в пыли, в запустении и полумраке. Прислуга заходила сюда редко, сам же граф никогда. Теперь Александре предстояло вдохнуть в них жизнь.

Но едва войдя в маленький кабинет, где покойная графиня отдыхала от светских развлечений и занималась хозяйственными делами, Александра почувствовала еще большую неловкость. Все здесь было чужое, непонятное и незнакомое, даже сам запах восточных благовоний, казалось, оставшийся навечно в складках ткани, вьевшийся в обивку мебели, в обои на стенах, навевал на нее тоску. Побыв здесь минут пять, Александра начинала задыхаться. Это был маленький мир абсолютно чужой ей женщины. На бюро лежало покры-

тое пылью неоконченное письмо к одной из многочисленных подруг, а на изящной козетке – шкатулка с рукоделием, также неоконченным. На стене висели картины, которые Александре сразу не понравились, очень уж мрачные, и, наконец, портрет самой графини Лизы.

Александра с удовольствием отметила, что покойница заметно уступает ей в красоте. Графиня Лиза, бесспорно, была настоящая аристократка, но в ней не было ни капли чувственности, ни грамма той жажды жизни, стремления брать от нее все до капли, для своего удовольствия, которые были в самой Александре и которые так притягивали к ней мужчин. Глядя в милое, тонкое лицо покойной графини, графиня новая думала о том, что Лиза, бесспорно, способна была вызвать сильное чувство, но только у одного мужчины, у своего мужа. У ног ее никогда не было толпы поклонников. «О чем это я думаю? – спохватилась она. – Разве не должна я стать такой же? Светской дамой, верной женой, образцом добродетели. О любви надо забыть. Надо думать о долге».

Но при одной только мысли об этом на Александрю наваливалась тоска. Ее муж, человек чрезвычайно проницательный и умудренный жизненным опытом, оказался прав: она не готова была запереть себя в четырех стенах, полностью подавив свои желания и чувства.

Три года она как-то с собой справлялась. Новые впечатления от жизни в Европе и захватывающие путешествия отвлекли ее от мыслей Серже, которого она все это время счи-

тала мертвым. Возможно поэтому ей и было так легко о нем думать. Но теперь... Теперь она и сама не знала, как будет. Все было какое-то неустроенное, непонятное, и нигде ей теперь не было покоя. У Александры было предчувствие, что в этом доме она никогда не будет счастлива.

«Что же делать со всем этим? – думала она, с недоумением оглядывая маленький кабинет покойной графини. – Нет ли здесь какой-нибудь другой комнаты, которую я могла бы приспособить для своих нужд?» Даже в бедном отцовском доме у Шурочки Иванцовой была своя крохотная светелка, место, где она могла поплакать над своими печальями и всласть помечтать о любви. А здесь, в огромном особняке, она ходила как неприкаянная, и повсюду ее преследовали любопытные взгляды прислуги, которой, по мнению новой хозяйки, в доме было с избытком.

«Я никогда не бываю одна! – в отчаянии думала Александра. – Стоит мне только присесть, как я тут же слышу: чего изволите, ваше сиятельство? Какие будут приказания? Да когда же наконец меня оставят в покое! Я НИЧЕГО не хочу!»

– Как ты находишь наш дом? – спросил ее за ужином муж.

«Он ужасен!» – хотелось крикнуть ей. Но правила хорошего тона требовали от нее прежде всего сдержанности в проявлении чувств. Александра еле справилась с собой, но промолчала.

– Здесь требуются некоторые переделки, – продолжил

граф, – и я хотел бы, чтобы ты приняла в этом участие... Что с тобой? Сашенька, я же вижу, что ты чем-то обеспокоена. Прежде всего моя забота о тебе, я хочу, чтобы здесь, в Петербурге, ты вела жизнь, тебя достойную.

– Я не знаю, что мне делать, Алексей Николаевич! – решила она. – Я имею в виду кабинет графини Лизы и... – Александра смешалась.

– Она его очень любила, – тихо сказал муж.

– Но мне это решительно не подходит. Я не могу все это отправить в деревню?.. Ее вещи, портрет... Или могу?

– Что именно тебе не нравится? – по лицу мужа никогда нельзя было угадать его чувств. Вот и сейчас граф говорил спокойно, будто речь шла о какой-нибудь мелочи, к примеру, о новом платье.

– Все! Я не хочу ее обижать, и тебя не хочу. Но жить я так не могу. Если тебе все это дорого, ее вещи надо снести в одну комнату и закрыть ее на ключ.

– Что ж... Я думаю, надо делать пристройку. Там будут твои покои, будуар, совмещенный с ванной комнатой, гардеробная. В общем, все для твоего удобства. А пока придется потерпеть.

– Но дом и так большой! Не лучше ли перестроить нижний этаж? Эти огромные парадные комнаты совершенно бесполезны!

– Я над этим подумаю, – нахмурился Алексей Николаевич.

«Когда же ему думать, если он все время занят? – в отчаянии подумала Александра. – Видимо, мне придется заняться этим самой».

В этот момент она еще не знала, насколько переделка дома будет им вскоре необходима. И что придется заботиться не столько о себе, сколько о внезапно нагрянувших родственниках.

Первый сюрприз преподнес муж.

– Я получил письмо от Элен, – улыбаясь, сказал он. – Моя дочь хочет вернуться в Петербург.

Александра невольно вздрогнула. Два года назад муж единственной дочери графа Ланина скончался от долгой и тяжелой болезни. Болезнь эта возникла вследствие тяжелого ранения, полученного графом Безобразовым на дуэли с Соболинским. Вдова с двумя детьми уехала в свое тамбовское имение. Письма, которые Алексей Николаевич получал от дочери, своей юной жене он не показывал. Александра догадывалась, что его женитьбу, Элен, как, впрочем, и весь высший свет, не одобряет. Единственное, что сказал Алексей Николаевич, дела Элен после смерти мужа сильно расстроены. Да еще и безрассудный поступок отца, навлекший на всю семью гнев государя, подлил масла в огонь. Всеми забытая безутешная вдова вот уже два года жила в своем имении, никуда оттуда не выезжая.

Теперь Элен писала, что хочет вернуться в Петербург. Что ж, она еще была молода, хороша собой, ее отец получил но-

вое назначение, можно даже сказать, повышение по службе. Видимо до Элен дошли слухи, что он опять в милости у государя. Графиня не без основания рассчитывала вновь выйти замуж, и удачно.

– Элен хочет жить у нас, – сказал Алексей Николаевич.

– Как у нас? Почему у нас?

– Ее собственный дом в Петербурге продан за долги. Элен не рассчитывала сюда вернуться. После смерти мужа она решила похоронить себя в глуши.

– Отчего же она передумала?

– Элен очень хотела бы сблизиться с тобой, мой друг, – ласково сказал Алексей Николаевич. – Она так пишет. Я думаю, надо приготовить для нее комнаты Лизы, из одной сделать детскую. В конце концов, это ведь и ее дом. Она здесь выросла и хотела бы найти в этих стенах приют и утешение теперь, когда ей особенно тяжело. Я перед ней виноват. Отнесись к ней со всей добротой своей души, я тебя прошу.

Таким образом, граф дал понять, что вопрос не обсуждается. А то, что мачеха на пять лет моложе своей падчерицы, вполне в духе времени. Государь сам подает пример своим подданным, имея две семьи, причем его пассия, Варвара Нелидова, годится ему в дочери. И его внучка будет старше ребенка, который вскоре появится на свет.

Александра уже поняла, что жизнь в этом доме не только будет для нее неудобной, но еще и тревожной. Ведь ей придется каждый день видеться с Элен, которая не одобряет

ее брак со своим отцом. С Элен, которая была любовницей Соболинского и имеет от него ребенка, которого тоже придется видеть каждый день. А если мальчик похож на Сержа? Он постоянно будет напоминать Александре об увлечении ее юности, и это лишит ее покоя.

«Серж, кажется, всю жизнь будет меня преследовать! – в отчаянии подумала она. Но мужу возразить не посмела. Ведь Алексей Николаевич так обрадовался воссоединению семьи. – Надо смириться – решила Александра. – Как знать? Вдруг все окажется не так уж и плохо? Графиня Элен Безобразова, в девичестве Ланина, – милая, добрая женщина, она станет мне подругой, мы вместе будем делать визиты, блистать на придворных балах. А потом... Потом она выйдет замуж и останется при этом моей лучшей подругой».

В мезонине срочно затеяли перестройку, и Александра вскоре получила в свое распоряжение небольшую комнатку, которую переделала в очаровательный будуар. Кабинет покойной графини Лизы и примыкающая к нему спальня были отведены для Элен с детьми. Александра надеялась, что это ненадолго. Элен возвращается с намерением выйти замуж, и надо будет ей в этом помочь.

Все эти хлопоты Александре приходилось совмещать с визитами. Аннета взялась ввести ее в высший свет Петербурга и в короткий срок перезнакомить со всеми. Первый визит в Зимний дворец дался графине Ланиной с огромным трудом. Ей предстояла официальная церемония представле-

ния императрице.

Красота Малахитовой гостиной, связывающей парадные комнаты Зимнего дворца с личными покоями ее величества, Александру поразила, хотя она уже повидала многое, в том числе и изысканный Версаль, и Дворец дождей в Венеции, настоящий шедевр архитектуры, и чарующую роскошь Востока. Но и Зимний был чудо как хорош. Покои же Александры Федоровны были лучшими во всем дворце. Государь планировал их с особой любовью, когда дворец восстанавливался после пожара, уничтожившего абсолютно все, кроме каменных сводов. Столовая императрицы была расписана по мотивам фресок, найденных в Италии при раскопках Помпеи, а гостиная и будуар поражали богатством и в то же время изысканностью отделки. Вид из окон открывался на Неву и Адмиралтейство, так что взгляду была воля, а фантазии простор. Все здесь было продумано до мелочей и исполнено с душой. Аннета упоминала также о ванной комнате в мавританском стиле и зимнем саде с фонтаном и экзотическими растениями, которые были в этом же крыле Зимнего дворца. Все это графине Ланиной непременно хотелось увидеть.

Александра Федоровна встретила ее ласково. Едва увидев хозяйку Зимнего, графиня Ланина поняла, откуда у нее такое забавное прозвище: Птичка. Так за глаза звали при дворе императрицу за ее особенную, скачущую «птичью» походку. Возможно, что в молодости Александра Федоровна была довольно милостива, но многочисленные роды истощили ее и

привели к преждевременному увяданию. Это было главной причиной, по которой ее царственный супруг искал теперь утешения на стороне. Но, по слухам, ночи он по-прежнему проводил в супружеской спальне, и только там. «Когда же он бывает у фрейлины Нелидовой?» – задавались вопросом придворные.

Совсем по-птичьи наклонив голову набок, императрица долго рассматривала свою юную гостью.

– Очень хороша, – наконец сказала она по-немецки. – Наверняка мужчины, все как один, теряют от вас голову, милочка.

Александра не нашлась, что ответить, и присела в глубоком реверансе. Она заметно волновалась, ведь перед ней была сама императрица!

– Говорят, вы знаете много забавных историй, – уже по-русски сказала та. – На маскараде вы сильно повеселили моего мужа. Похоже, что он так и не сможет вас забыть. Мне, видимо, придется, назначить вас своей статс-дамой, графиня. – Александра Федоровна лукаво улыбнулась.

– Чем я заслужила такую милость, ваше величество?

– Не спешите называть это милостью. Вам, привыкшей к роскоши и бесконечным развлечениям, наверняка покажется здесь скучно, – императрица насмешливо посмотрела на ее бриллиантовое кольцо.

Александра поняла, что опять попала в неловкое положение. Она была одета по последней парижской моде, за ко-

торой тщательно следила, но при дворе Николая Павловича роскошь теперь была не в чести и откровенные туалеты тоже. Дамы прикрывали глубокие вырезы весьма целомудренными шемизетками, украшения носили скромные: из гагата, черепашьего панциря, бисера или бирюзы. Поэтому бриллианты графини Ланиной были восприняты как вызов, и о ней тут же начали злословить.

Аннета же не спешила встать на ее защиту. Казалось, она намеренно это и спровоцировала.

– Мне надо срочно перешивать все мои платья! – в отчаянии сказала ей Александра. – Почему вы меня не предупредили?! Я позволила себе надеть украшения, подобных которым не было на самой императрице! Мне надо было снять их, перед тем как войти в ее покои! Я нарушила придворный этикет!

– Зато о вас теперь говорит весь свет, – довольно улыбнулась Аннета.

– Но как говорит! Еще немного, и обо мне самой начнут сочинять анекдоты!

– Это неплохо. Главное, что вас заметили. Двор гудит, словно рой рассерженных пчел. Теперь либо покусают больно, либо начнут нести в ваши соты сладкий нектар лести. Все зависит от вас, моя дорогая, – промурлыкала Аннета. – При дворе есть несколько сильных партий, – пояснила она. – Все они враждуют. Ваше появление, как я и предполагала, нарушило расстановку сил.

– И к какой партии я должна примкнуть, чтобы восстановить равновесие?

– Ни к какой. Вы должны создать свою собственную партию. Поэтому не надо прятать то, чем вас так щедро надел Господь, – Аннета с усмешкой посмотрела на ее пышную грудь.

– Я не понимаю, зачем это надо вам?

– У меня, дорогая, тоже есть дети. Два сына. Их успешная карьера зависит от меня. А я ведь вдова, – вздохнула Аннета. – Какие у меня могут быть заслуги перед государем? Я вряд ли стану обер-гофмейстериной, против меня интригуют друзья Смирновой-Россет. У нее здесь сильная партия. Назначения на должность утверждает лично государь, и его нетрудно убедить, что вот этот господин хорош, а тот плох.

– Николай Павлович так легковверен?

– Вовсе нет. Но нас так много, а он один... Откуда бы государю узнать правду? Он видит то, что ему позволяют видеть. И предпочитает закрывать глаза на то, что от него и так прячут. Россия большая страна, слишком большая. День государя и так расписан по минутам, – вздохнула Аннета. – Кто первый добежал, тот и прав, остальных он уже и слушать не хочет. А еще государь очень любит делать приятное тем, к кому чувствует особое расположение. Всего одно слово...

– Нет! – испугалась Александра.

– Дорогая моя, у вас еще даже нет права сказать это слово. Куда же вы так торопитесь?

– Я не создана для придворных интриг.

– И это говорит женщина, которая сумела женить на себе моего кузена! – всплеснула руками Аннета. – Не имея при этом ничего, кроме привлекательной внешности! Вы, должно быть, очень ловки, дорогая. И умеете пользоваться своей красотой. Так почему не заняться тем, для чего вы предназначены? Я вам помогу. Главная ваша соперница вовсе не Варвара Нелидова. Хотя у нее тоже сильная партия.

– Смирнова-Россет?

– Вы еще и очень проницательны.

– Скажите, за что вы ее так ненавидите?

Аннета нахмурилась.

– Я же вижу, – продолжала настаивать Александра. – И здесь должна быть какая-то причина.

– Она моложе меня на восемь лет. А что касается красоты, то и в ней нет ничего особенного.

– Вы соперничали с ней за внимание государя?

– Это было давно. Очень давно, – вздохнула Аннета. – Но она сумела сохранить свое влияние и после их расставания. У государя есть постоянная любовница, которая от него беременна, а Александра Осиповна по-прежнему царица балов!

– По-моему, она очень милая женщина, – заметила Александра.

– Вам следует познакомиться с ней поближе, дорогая, – улынулась Аннета. – Чтобы вы поняли, какая это интриган-

ка.

«Не можешь задушить своего врага – обними его», – вспомнила графиня Ланина, входя в салон Екатерины Андреевны Карамзиной, где частой гостей была и Смирнова-Россет. Эти две женщины имели большое влияние на самых образованных и просвещенных людей России, оставаясь при этом близкими подругами. Одна – вдова историографа, сводная сестра поэта Вяземского, другая – покровительница муз, бывшая в дружеских отношениях со всеми великими российскими поэтами. Ходили слухи о ее связи с господином Лермонтовым, хотя доказательств этому не было. Если слухи были верны, у Александры Осиповны был повод скрывать эту связь. И не только из-за мужа, отношения с которым у нее так и не сложились. Она пользовалась особым расположением государя и умело вела свою партию при дворе.

– Какое восхитительное на вас платье, дорогая моя, – рассыпалась в комплиментах Аннета, увидев свою соперницу. – И цвет лица изумительный! Вы сегодня диво как хороши! А я, Александра Осиповна, повсюду вожу мою протезу. Позвольте и вам представить. Жена моего кузена, графиня Александрин Ланина. *N'est-ce-pas, charmante?*

Александра почувствовала на себе внимательный взгляд огромных черных глаз.

– Ах, это вы недавно произвели фурор при дворе, явившись туда в бриллиантах, – тонко улыбнулась Смирнова-

ва-Россет. – Признаюсь, вы нас всех очень позабавили. Мы уж и забыли, что такое роскошь.

– Зато я не ношу драгоценности дома. Как это должно быть, делаете вы.

– Что вы имеете в виду, графиня? – тонкие черные брови Александры Осиповны удивленно поползли вверх.

– Не хотите же вы сказать, что только смотрите на них? Камни надо носить, без человеческого тепла они тускнеют.

– У моего мужа не слишком большое жалование, чтобы я могла позволить себе покупать бриллианты, – довольно резко сказала Александра Осиповна.

– Это новый анекдот? Чиновник, который живет на жалованье! Непременно расскажу его государю! Ему нравится, как я рассказываю анекдоты. И обязательно добавлю, что он от вас.

Смирнова-Россет была дамой экзальтированной и потому на выпад Александры отреагировала довольно бурно.

– Я вовсе не прошу вас сплетничать обо мне, графиня, – резко сказала она. Ноздри Александры Осиповны раздулись. Это был признак гнева. – Но, видимо, у вас во всем дурной вкус: и в одежде, и в манерах. Единственное, в чем вам нет равных, так это в умении вовремя и к месту рассказать анекдот. Весьма сомнительное достоинство!

– Ах, вы не любите, когда над вами смеются! Так я тоже этого не люблю.

– Не думаю, что вы придетесь ко двору.

– К тому, где бал правите вы, вряд ли. Постойте-ка... Ваш муж ведь состоит на государственной службе? А вдруг его величество решит назначить господина Смирнова посланником, допустим, в Рим? Или в Париж. А может, в Дрезден? Вы ведь пользуетесь особым расположением государя, следовательно, и члены вашей семьи тоже. Допустим на минуту, что вы уезжаете вслед за мужем за границу, а я остаюсь здесь. Править бал, как вы говорите. Вот вам польза от вовремя и к месту рассказанного анекдота!

– Я знаю, вы тоже рассчитываете на покровительство государя. Только вы забыли, что многолетнюю дружбу он ценит гораздо более мимолетного увлечения. Это была лишь минута в его жизни, когда он позволил себе слабость. И приблизил вашу особу ко двору. Но это быстро пройдет.

– Вы так хорошо знаете государя... Но я все же позволю себе надеяться...

Судя по виду Аннеты, та была довольна перепалкой. Положение спасла Екатерина Андреевна, хозяйка салона.

– Я хорошо знаю вашего мужа, графиня, – ласково сказала она Александре. – Это умнейший, образованнейший человек. И очень приятный в общении. Мой покойный муж всегда его выделял среди всех прочих. Он, должно быть, счастлив с вами. Вы ведь такая красавица!

Краем глаза Александра заметила, как вспыхнуло лицо Смирновой-Россет. Должно быть, после ухода графини Ланиной у подруг будет бурное объяснение. «Она чувствует во

мне соперницу. Но я ведь ни на что не претендую! Но насмешек и оскорблений я терпеть не намерена».

Александра немного перевела дух и огляделась. С удивлением она заметила, что здесь, в салоне у Екатерины Андреевны Карамзиной, все очень скромно. Уютно, без кричащей роскоши, гости располагаются в простых соломенных креслах, на столе самовар, и, что удивительно, нет карточных столов. Худощавая брюнетка, чем-то напомнившая Александре старшую сестру, Мари, разливает чай и намазывает маслом тартинки из серого хлеба, которые с удовольствием берут из ее маленьких ручек гости. А ведь здесь находится весь высший свет Петербурга! Первые красавицы в бальных платьях, заехавшие ненадолго перед тем, как отправиться блистать, видные дипломаты, литераторы. И все ведут себя очень просто в этой тесной гостиной, где предлагают скромное угощение и совсем не говорят по-французски. Похоже, здесь именно это считается дурным тоном. И все охотно принимают правила хозяев.

– Наш Самовар-Паша, – шепнула Аннета, еле заметным кивком указав на брюнетку, разливающую чай. – Софья Николаевна Карамзина. Идемте, я вас познакомлю.

Александра была готова расцеловать эту женщину, так похожую на ее старшую сестру, но Софья Николаевна общалась с ней довольно холодно.

«Неужели здесь все считают меня пустышкой? Безродной девочкой с дурными манерами, которая сумела выскочить

замуж за старика-вельможу. И которой только и надо от него, что денег и возможности быть принятой в лучших домах. Ведь он в родстве со всеми, и они вынуждены меня терпеть, коль я его жена, – в отчаянии подумала Александра. – Я никогда не буду здесь своей. Они меня презирают, это видно по их взглядам».

Да, она, бесспорно, привлекает всеобщее внимание своим туалетом: изящной шляпкой, выписанной из Парижа и удлиненным вечерним платьем цвета сиреневых сумерек, сшитым согласно последней моде. Но как они смотрят! Дамы переглядываются меж собой, и, кажется, ее платье – главный предмет их живого разговора в углу гостиной. Но она скорее голову даст на отсечение, чем станет притворяться скромницей. И лицемерить, как все эти придворные, скрывая достаток, потому что сейчас так принято.

В имении родителей Александра жила в такой бедности, что теперь, выйдя замуж за одного из самых богатых людей России, радовалась роскоши как ребенок. А граф, словно любящий отец, ей потакал. Богатые туалеты лишь подчеркивали яркую, чувственную красоту его юной жены.

– Роскошная женщина эта графиня Ланина, – услышала вдруг Александра. – Просто роскошная! Charmante!

Сказано это было одним из присутствующих в гостиной мужчин, и намеренно сказано так, чтобы Александра это услышала.

«Что ж, я не такая утонченная, как та же Смирнова-Рос-

сет, но время бесплотных женщин ушло в прошлое. По мнению высшего света, я одета немодно. Слишком вызывающе. И веду себя вызывающе. Значит, надо установить другую моду».

– Мода – это я! – заявила Александра мужу, когда вернулась домой.

Алексей Николаевич рассмеялся.

– Я думал, что они переделают тебя, но, похоже, ошибся. Скорее ты переделаешь их. Но бой будет долгим и трудным.

– Салон Карамзиной что, самый модный в Петербурге? – спросила Александра.

– Уже нет. Хотя еще лет десять назад по тому влиянию на общественность, которое он оказывал, ему не было равных. Но это мода уходящего века великих поэтов. Уходит их время, Сашенька, на смену ему идет великая проза. Романтика была хороша, когда надо было бежать от реальности, потому что другого выхода не было. Когда всего было с избытком, страна процветала, в Европе было относительно спокойно. Сейчас же все понимают, что нужны перемены. Уже надо что-то делать, и одними мечтами и планами тут не обойтись. Хорошо, что ты побывала у Карамзиной, но завтра я отвезу тебя в другое место. Я покажу тебе будущее России. Ее прошлое ты уже видела.

– Куда мы едем? – спросила она у мужа, уже сидя в карете.

– В Михайловский дворец. Сегодня я представлю тебя великой княгине и, возможно, наследнику. Если он там будет.

– Я опять оделась не так? – в ужасе спросила Александр. – Обо мне снова станут злословить! Или, чего хуже, смеяться!

– Смеяться не посмеют, – спокойно ответил Алексей Николаевич. – Я занимаю в обществе слишком высокое положение. Не беспокойся, мой друг, по-моему, к тебе уже все успели привыкнуть. К твоим вызывающим туалетам и не менее вызывающим речам. К тому же, сегодня мы едем туда, где царит роскошь. Смеяться над тобой не будут, – повторил он.

Александра уже поняла: самое ужасное для светского человека, которым являлся и ее муж, и его кузина Аннета, и фрейлина Смирнова-Россет, было оказаться смешным, попасть в нелепое, глупое положение. Не так одеться, не то сказать, не того похвалить, или, чего хуже, споткнуться у всех на глазах, грубо нарушить этикет. И вызвать этим улыбку на лицах сильных мира сего, вслед за которыми начнут улыбаться и все остальные. Именно поэтому все придворные так похожи на заводных кукол. Они одинаково кланяются, одинаково говорят, и, кажется, одинаково думают.

«Что же такое на самом деле царский двор? – думала она, глядя в окно кареты на заснеженный Петербург. – Почему все так мечтают туда попасть? Со слов мужа я знаю, что придворным приходится жить в постоянном ожидании царской милости и при этом не забывать смотреть по сторонам, чтобы помешать другим себя опередить. И ведь из этого состо-

ит вся их жизнь! Какие же невыносимо скучные люди! Но вдруг я ошибаюсь? Или чего-то не знаю? Во всяком случае, мне бы тоже хотелось этого попробовать. Оказаться там, где светит солнце. Где оно встает, а вечером ложится спать, где на протяжении всего дня можно видеть каждое его движение, каждую набежавшую на него тучку и каждую вспышку радости на его сияющем лице. Вдруг в этом и в самом деле есть что-то особенное?»

Она, совсем как ребенок, хотела получить новую красивую игрушку, которая была лишь у избранных. Хотя не до конца понимала, что же с этой игрушкой делать? Ей просто ее хотелось, и все.

Карета остановилась. Со стуком откинулась подножка. Александра никогда не была в Михайловском дворце, имела лишь счастье любоваться им издали. Теперь она, рука об руку с мужем, ступила на гранитную лестницу, украшенную двумя статуями львов. Она заметно волновалась, и чтобы как-то ее успокоить, Алексей Николаевич негромко сказал:

– Обрати внимание: эти львы – точные копии античных статуй, найденных при раскопках в Риме, в начале шестнадцатого века. Михайловский дворец, Сашенька, пожалуй, лучший образец архитектуры в нашей столице. Им можно любоваться бесконечно.

Александра была с ним полностью согласна. Здесь и в самом деле царила роскошь, не то, что в доме на Гагаринской, где она была вчера на вечере у Карамзиной. На первом этаже

Михайловского дворца были покои великого князя Михаила Павловича, а также гостевые комнаты, квартиры придворных и комнаты запасные. Погребной этаж занимали дворцовые кухни и хозяйственные помещения. Во дворце был огромный штат прислуги, человек триста! Ведь хозяева вели бурную светскую жизнь и принимали у себя огромное количество гостей.

– Надеюсь, Сашенька, что ты увидишь когда-нибудь знаменитый Белый зал, – улыбнулся Алексей Николаевич. – Он находится в центре анфилады парадных комнат. Это просто шедевр архитектуры. И не просто увидишь, а будешь там блистать.

«Ах, какая роскошь!» – думала она, пытаясь запомнить мельчайшие подробности отделки внутренних покоев. Ведь ей вскоре тоже предстояла перестройка дома. Конечно, особенно на Фонтанке ни в какое сравнение не идет с этим огромным дворцом, но двери из покрытой лаком березы, с резьбой и позолотой, потолки лепной работы, с живописью, такие же карнизы, наборный паркет, – все это можно себе позволить.

Они с мужем поднялись на второй этаж. Парадная лестница делила его на две части. Западную сторону и север занимали залы для балов и приемов. Но сегодня, как сказал Алексей Николаевич, планировался тихий вечер в узком кругу, почти семейный. Великий князь уехал в Зимний, он, как и его брат, император Николай Павлович, был чрезвычайно увлечен военными парадом и всем, что было с ними

связано. Кажется, вновь затевалось переодевание, или, на их языке, «переобмундирование». Хорошо если только одного полка! Братья с увлечением работали над эскизами новых мундиров для военных.

Великая княгиня же предпочитала общество людей более изящных, чем военные. Она покровительствовала художникам, литераторам и, втайне, реформаторам. Если строгий этикет не позволял ей принимать людей, которые ей были симпатичны, но во дворец не вхожи, она просила об этом своих статс-дам. Приходя к ним в гостиные, Елена Павловна сидела где-нибудь в укромном уголке и время от времени подзывала кого-нибудь для беседы. Женщина чрезвычайно образованная, европейского воспитания, она мечтала и страну, ставшую ей второй родиной, преобразовать на европейский манер. Великая княгиня осуждала крепостное право, считала его отмену неизбежной и всячески хотела это приблизить. Государь же не был к этому готов и к подобным проектам относился недоверчиво. Поэтому салон великой княгини считался оппозиционным, и собиралась вокруг Елены Павловны большей частью блестящая молодежь, за которой все признавали будущее России.

Сегодня в ее гостиной тоже собрались избранные. Кроме графа Ланина, получившего недавно назначение в строительный комитет, из важных чиновников были два дипломата, посол в одной из европейских стран, также на днях получивший назначение, и сенатор. Все – сторонники реформ.

Александра немного робела, когда ее представляли великой княгине, но та была так проста в обращении, так мила, что вся неловкость вскоре прошла. Это была женщина средних лет, в которой с первого взгляда можно было угадать немку. Светлые волосы, голубые глаза, прямой нос и какой-то особый, свойственный лишь членам ее фамилии рот с чуть поджатой нижней губой. Красавицей ее назвать было трудно, но она и не стремилась блистать. У Елены Павловны было совсем другое предназначение, и она это знала.

Немного оглядевшись, Александра успокоилась. Здесь ее туалет вовсе не казался вызывающим. Насколько у Карамзинных все было просто, без претензий, настолько же в покоях Михайловского дворца ни одна деталь интерьера не ускользнула от внимания архитекторов и декораторов. Стены этой небольшой гостиной были обиты малиновым штофом, паркетный пол был из розового дерева, а мебель надежная, но в тоже время не лишенная изящества, в стиле буль, с искусной отделкой из черепашьего панциря. Александра уже отметила, что он при дворе в особой моде.

– Позвольте вам представить...

Она невольно вздрогнула. Какое знакомое лицо! Они уже, кажется, встречались!

– Моя жена, графиня Александра Васильевна Ланина, ваше высочество.

Так это и есть наследник! Он вовсе не так высок ростом, как его отец, и совсем еще молод. Александра отметила, что

у цесаревича красивое лицо и приятная, добрая улыбка.

– Вы произвели фурор при дворе, графиня, – сказал он. – Все только и говорят, что о вас. Я видел вас мельком, когда вы выходили от матушки, но с той минуты страстно мечтал познакомиться с вами поближе.

Будущий император галантно поцеловал ей руку. Александра невольно смутилась.

– Матушка еще раздумывает о вашем назначении, – улыбнулся цесаревич. – Видимо, мне придется ее поторопить.

– Но я вовсе не спешу занять должность при дворе, – нашла наконец она. – Довольно и того, что служит мой муж. Да так, что я его почти не вижу.

– И вы на это жалуетесь!

– Я привыкла к тихой семейной жизни, – Александра опустила глаза, стараясь на него не смотреть.

– Вы?! Но весь ваш вид, графиня, говорит об обратном. Вы просто сияете красотой и нас тоже обязаны осчастливить. Ваш муж хочет, чтобы вы вели бурную светскую жизнь, и он прав. Хотите придворный чин? – вдруг развеселился цесаревич. – А хотите, вы будете статс-дамой моей жены? Да хоть с завтрашнего дня! Мари!

Александра увидела молодую женщину, почти девочку, болезненно худую, с бледным лицом, которая, как ей показалось, вовсе не разделяла восторгов своего супруга. Говорила она по-русски с сильным акцентом, очень плохо. Александре сразу показалось, что ее брак с наследником неудачен.

– Мари, это графиня Ланина.

– Та, о которой все говорят? – по-французски спросила цесаревна.

– Как ты видишь, слухи не преувеличены. Я думаю, Мари, ты непременно захочешь, чтобы графиня стала одной из твоих статс-дам. Не так ли? – также по-французски спросил Александр.

Жена посмотрела на него беспомощно. «Я разве должна этого хотеть?» – говорил весь ее вид. Эта девочка чувствовала себя здесь неловко, как, впрочем, она чувствовала себя везде. Ее муж был чрезвычайно влюбчив и слыл знатоком красивых женщин. Меньше всего Мария Александровна хотела бы видеть их в своем окружении, но она была еще так юна и неопытна, что не смела на этом настаивать.

– Решено! – сказал цесаревич. – Вы будете статс-дамой Мари, Александра Васильевна! Граф, вы не обидитесь на нас, если и ваша красавица жена тоже пойдет на службу?

«А к чему меня это обязывает? Неужели я вынуждена буду все свои дни проводить в Зимнем? Но ведь это же хорошо! Скоро приедет Элен! Мне бы хотелось видеть ее как можно меньше», – подумала Александра.

– Я редко бываю дома, – улыбнулся Алексей Николаевич. – Думаю, если бы не ваше столь лестное предложение, ваше высочество, графиня вскоре заскучала бы.

– Ну, скучать мы ей не дадим, – весело сказал цесаревич. – Правда, Мари?

– Конечно, – натянуто улыбнулась будущая императрица, старательно выговаривая каждый слог.

«Первый раунд у Александры Осиповны я, кажется, выиграла, – подумала графиня Ланина. – Но биться мы отныне будем на ее поле. Какие меня еще ждут сюрпризы?»

Сама Елена Павловна была с ней настолько любезна, что Александра, обласканная великой княгиней, дала ей слово, что будет гостьей на всех балах в Михайловском дворце. А балы здесь давали часто.

– Вы будете их украшением, графиня, – пообещала неревнивая к чужой красоте Елена Павловна.

Александра поняла, что ее приняли в высший свет, причем, в круг избранных.

Возвращаясь домой, она счастливо улыбалась.

– Вот ты и светская дама, – с грустью в голосе сказал Алексей Николаевич. – Тебя приняли при дворе, назначили статс-дамой цесаревны. Ты знаешь, как к тебе теперь следует обращаться?

– Как, Алексей Николаевич?

– Ваше высокопревосходительство. Если государь не присвоит мне тут же следующий чин, я буду ниже в звании, чем ты. Я ведь всего лишь превосходительство, – с иронией сказал граф.

– Как же так? – рассмеялась Александра. – Ты воевал с Наполеоном, потом столько лет был на государственной службе, у тебя два ордена, и ты всего лишь превосходительство?

А я только вчера приехала в Петербург, и уже получила чин выше!

– Это особенности придворной службы, мой друг. Здесь все зависит от прихоти государя. Ты теперь можешь открыто ездить на балы, причем в лучшие дома. Нам теперь будут делать визиты, в нашем доме будут *вечера*. По тому, какая на них будет собираться публика, ты вскоре поймешь свою значимость.

– Ах, перестань, Алексей Николаевич! – беспечно сказала она. – Что я такое? Все эти знатные дамы смотрят на меня, как на выскочку. Да я и есть выскочка. По-французски научилась говорить без ошибок всего год назад!

– Ты в этом не виновата. Зато при дворе вряд ли найдется дама красивее тебя. Вот что в женщине имеет главную ценность, а вовсе не образование и происхождение. Хотя, последнее тоже важно. Но это капитал ординарных женщин, которым тоже надо выходить замуж, красавица же может позволить себе ошибки не только во французском языке. Кто станет вникать в суть ее речей, если смотреть на нее гораздо приятнее, чем слушать? Боюсь, что сегодня я тебя потерял. Будь осторожна с цесаревичем. А в особенности с императрицей.

– Она очень ревнива?

– Не о том речь, – поморщился граф. – Я не буду пересказывать тебе дворцовые сплетни, уж извини. Ты сама все поймешь. Я беспокоюсь об одном, – нахмурился вдруг он. –

Уж очень быстро все случилось. И моей заслуги в этом нет. Это какое-то потустороннее влияние. Над нами будто вошла звезда.

– Какие глупости, – занервничала Александра. Хорошо, что муж не знает об алмазе. О его странном свечении в день их приезда в Петербург.

– У меня есть предчувствие... Впрочем, не будем об этом сегодня. Я вижу, ты счастлива.

– Да, я счастлива!

– Дай Бог, чтобы ты не разочаровалась.

Глава 4

Успехи графини Ланиной в высшем свете не остались незамеченными. Теперь о ней говорили все, она вдруг вошла в моду. Рассказ о маскараде в Царском Селе передавали из уст в уста, с особым выражением лица: «Вы же понимаете, что это означает? Зачем же об этом говорить?» Поэтому назначению графини Ланиной в статс-дамы никто не удивлялся, гадали только, кто же ее покровитель: сам государь или же цесаревич? Первым ее выделил Николай Павлович, но статс-дамой назначили к цесаревне. Такая стремительная карьера вчера еще никому не известной провинциальной девочки бурно обсуждалась во всех салонах Петербурга. У Александры появились подруги, чью «преданность» она вскоре оценила вполне.

Как-то ей с улыбкой показали письмо. Князь Н* писал своему другу, господину Д*, находившемуся на тот момент в отъезде.

«В свете теперь только и разговоров, что о графине Ланиной. О ее туалетах, ее бриллиантах, ее выезде. Все – шикарное, высшего достоинства. Графиня – настоящее открытие нынешнего сезона. Что сказать тебе, мой друг, о ней самой? Ее профиль далеко не безупречен, так же, как и ее манеры. Хотя, французский, надо признать, неплох. Не знаю, говорит ли она по-немецки и по-английски, не слыхал. Образование,

видимо, оставляет желать лучшего, я не помню ее среди выпускниц Смольного. Ей не хватает величавости, сдержанности, аристократизма, умения держать дистанцию между собой и собеседником. Но в гостиной любого дома, среди самых богатых и знатных дам северной столицы, которая славится своими красавицами, вы первым делом замечаете ее и уже не можете отвести от нее взгляда. Какое-то особое сияние исходит от ее волос, от ее кожи необыкновенного цвета, цвета сливок, от ее синих глаз. Одна ее улыбка – и вы верный раб у ее ног. Словом, она настоящая, бесспорная красавица! И черт с ним, с профилем!»

– Мой брат влюбился в вас без памяти, едва только увидел, – шепнула дама, показавшая Александре письмо. Графиня поняла, что речь идет о том самом господине Д*, которому оно было адресовано.

– Разве я дала повод? – спросила раздосадованная Александра.

Разумеется, письмо было показано из-за обидного замечания о ее манерах и воспитании. Графине Ланиной намеренно хотели сделать больно, это была зависть. «Выскочка», – читала она между строк. И льстивый тон великосветских «подруг» не мог ввести ее в заблуждение. Александра хотела бы иметь настоящую подругу, ту, которая не ревновала бы к ее успехам в свете, но быстро поняла, что это невозможно. Такой стремительный взлет! Разумеется, все будут ждать, когда же она оступится, совершит непростительную ошибку.

Что неизбежно, с такими-то манерами!

Оставалась одна надежда: Элен. Зачастую там, где мы надеемся на понимание и поддержку, нас ждет огромное разочарование, и напротив. Между Элен и Александрой с самого начала была взаимная неприязнь, хотя они и не были знакомы. Не значит ли это, что, вынужденные жить под одной крышей, они переменяют свое мнение друг о друге и близко сойдутся?

Поначалу Александре показалось, что так оно и есть. Увидев ее, Элен улыбнулась ласково и расцеловалась с ней, будто ждала этой встречи с радостью и нетерпением. Александра вздохнула с облегчением. И в самом деле: приятная дама. Графиня Безобразова была ненамного ее старше и тоже очень хороша собой.

Внешне Элен была похожа на мать, графиню Лизу: те же тонкие черты лица, большие карие глаза и чудесные, необыкновенно густые волосы. Вот уж чьи манеры и чей французский язык были безупречны! Александра знала от мужа, что, выпускница Смольного, Леночка Ланина протанцевала на балах один сезон и тут же нашла себе блестящего жениха. Это был счастливый брак, дом Безобразовых слыл одним из самых приятных и гостеприимных в Петербурге, по вечерам там всегда собиралась блестящая молодежь, друзья графа, близкие подруги Элен, как и она, выпускницы Смольного. До появления в ее жизни Сержа Соболинского репутация Элен была безупречна. Этим она его, видимо, и привлекла. Теперь

по ее лицу Александра пыталась угадать, помнит ли графиня Безобразова, кто был причиной всех ее несчастий? И каковы теперь ее чувства к Сержу? Знает ли она, что Соболинский в Петербурге? Что он теперь женат и очень богат?

Александра боялась увидеть младшего сына Элен, и не напрасно. Она с огромным трудом заставила себя поцеловать маленького Петю. И тут же отметила: похож. Хотя глаза у мальчика карие, как у его матери, но эти черные кудри, чеканный профиль, какая-то особая манера скидывать голову... Вылитый отец!

«Как это переживет Алексей Николаевич?» – разволновалась она.

Граф с улыбкой обнял сына своего злейшего врага и приласкал.

– Дети ни в чем не виноваты, – сказал он Александре, перед тем как лечь спать. – Мальчик замечательный и, кажется, умница. Я рад, что ты приняла Элен в нашу семью. Иного я от тебя и не ожидал.

Александра изо всех сил постаралась подружиться с Элен и даже посвятила ее в свои планы относительно перестройки фамильного особняка. Они оживленно обсуждали отделку комнат, покупку новой мебели и с таким же жаром новые платья. Элен тоже оказалась модницей, и первый ее визит был к известному на весь Петербург портному. Туалеты пропустившей два столичных сезона графини Безобразовой казались теперь слишком провинциальными. Обновив

свой гардероб, Элен принялась делать визиты своим многочисленным родственникам и знакомым. Жизнь потекла своим чередом, и Александра постепенно начала привыкать к своему новому положению.

Всю гармонию отношений в маленькой семье Ланиных нарушил один только вечер. Александра знала, что рано или поздно это должно было случиться. Она теперь была светской дамой, а Соболинский по-прежнему оставался одним из самых заметных в свете мужчин. Они делали визиты в одни и те же дома, со многими семьями их связывали родственные отношения. Чем дальше, тем больше представители петербургской знати мечтали счастия с графиней Ланиной родством. Кто через мужа, а кто и через ее мать, урожденную княжну Михайлову-Замойскую. Нашлись даже такие, которые вспомнили ее отца, Василия Игнатьевича Иванцова. Выполняя долг вежливости, Александра отдавала всем им визиты. Каждый раз она с замиранием сердца входила в незнакомую гостиную: а вдруг Соболинский здесь завсегда-тай? Как-то они встретятся?

Рано или поздно это должно было случиться. Но произошло, как всегда, неожиданно.

Александра заехала на минутку к графине Долли, как звали в свете Дарью Александровну Фикельмон, и отчего-то у нее задержалась. Вечер удался, что бывает нечасто. Прибыли новые гости, а кто-то уезжал, и немного уставшая от светской болтовни Александра присела в кресло, в уголке,

беря паузу перед тем, как проститься с гостеприимной хозяйкой. Ей надо было сделать еще один визит, давно уже обещанный.

– Наконец-то! – услышала вдруг она.

Сердце замерло при звуке этого голоса. Александра подняла голову: перед ней стоял Соболинский. Ей показалось, что Серж несколько изменился за те три года, что они не виделись. Он словно поблек. Глаза были уже не такие яркие, смоляные кудри заметно поредели, овал лица немного расплылся и потерял свою безупречную форму. И все равно он был еще очень хорош собой, по-прежнему строен, тонок в талии, и взгляд у него был все такой же обволакивающий и в то же время властный. Взгляд хозяина, который хочет получить назад свою собственность. Она невольно сжалась и с трудом заставила сердце биться ровнее.

– Позвольте присесть с вами рядом, графиня, – с усмешкой сказал Серж и бесцеремонно опустился в кресло рядом с ней. – Наконец-то! – повторил он, и вдруг заговорил с неожиданной яростью: – Вот уже три года я гоняюсь за тобой по всему миру! После замужества вы с мужем изволили отбыть в Париж. Я тоже поехал туда вскоре после женитьбы, но – увы! Тебе угодно было посмотреть Италию. Мы чуть было не встретились на вилле у Волконской, а когда я понял, что в Риме тебя уже нет, я тотчас стал наводить справки о графе и графине Ланиных. И вскоре узнал, где тебя искать. В Венеции мы чудом разминулись на карнавале. И все потому,

что на тебе был маскарадный костюм, будь он неладен! Какое-то время мне даже казалось, что я держу тебя за руку. Нас разлучила толпа. Ты прыгнула в экипаж и исчезла. Черт тебя дернул поехать смотреть на пирамиды! Мы могли бы встретиться в Египте, но ты опять была неуловима. Под видом свадебного путешествия я таскал свою жену по всяким античным развалинам, – с презрением сказал Серж. – Хорошо, что она не догадалась, какую именно Венеру я с таким упорством разыскиваю. Отнюдь не из мрамора. Поискав тебя с месяц на Востоке, я снова поехал в Париж. На следующий день я был вознагражден тем, что увидел тебя в опере. Я навел свой лорнет на ложу, в которой ты сидела, и увидел, что мне там нет места. Ты была окружена мужчинами. Я как сейчас помню: на тебе было голубое платье, твой любимый цвет, и, разумеется, роскошные бриллианты. Я твердо решил увидеться с тобой на следующий день, но ты опять загадочным образом исчезла. Два с половиной месяца о тебе не было ни слуху ни духу. Но я знал, что такая женщина не может исчезнуть бесследно. Я терпеливо ждал. Я понял, что ты решила вернуться в Россию. В Царском Селе, на маскараде, я сначала подумал, что мне *показалось*. Показалось, что я вижу именно тебя. Я слишком сильно этого хотел, и ты стала мне повсюду мерещиться. Признаюсь, сердчишко екнуло. Я хотел пригласить тебя на танец, потому что знал: как только ты окажешься в моих объятьях, я сразу тебя угадаю...

– Напомните мне, сударь, когда мы с вами встречались?

И где? – оборвала его Александра. – Вы так много и горячо говорите. Мне кажется, вы меня с кем-то перепутали.

– Ах, ты хочешь, чтобы я тебе представился? – всерьез разозлился Серж. – Ты чуть не убила меня, но, видимо, у тебя короткая память.

– Я и в самом деле вас не помню, – она старалась казаться спокойной.

– Значит, ты решила поиграть в великосветскую даму. Хорошо. Пусть будет, как вы того хотите, – резко сменил он тон. – Вы теперь в моде, графиня, вас, видимо, все добиваются, – вкрадчиво сказал Серж. – Не думайте только, что я буду в их числе. Мне нет дела до вас, но у вас есть одна вещь...

Она вздрогнула.

– Вещь, которая принадлежит мне, – понизив голос почти до шепота, сказал Серж. – Я дорого за нее заплатил и хотел бы получить ее обратно.

– Я не знаю, о чем вы говорите.

– Бросьте это, графиня! Тогда, после дуэли, я какое-то время думал, что умираю, потому и отдал ее вам. Мне и в самом деле было так плохо, как не было еще ни разу в жизни. Я страдал... Не столько телом, сколько душой, потому что понял: я вас теряю. Мне было больно, а вы... А вы меж тем развлекались. Как быстро вы вышли замуж после того, как подставили меня под пулю! И двух дней не прошло! Я знал, что женщины непостоянны, но вы превзошли их всех!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.